

АНДРЕЙ
СТОЛЯРОВ

ФУТУРОЦИД

ТАНЦУЮТ
ВСЕ

Андрей Столяров

Футуроцид: Танцуют все

<https://litres.ru/74643543>

SelfPub; 2026

Аннотация

Знаменитый американский фантаст Рэй Брэдбери однажды сказал, что фантастика не предсказывает будущее, а скорее предотвращает его.

В том смысле, что описанное будущее не осуществляется.

Это высказывание натолкнуло меня на мысль создать цикл произведений о разных версиях будущего, причем таких, жить в которых категорически не хотелось бы.

Вдруг это и в самом деле поможет что-то предотвратить.

Андрей Столяров

Футуроцид: Танцуют все

Андрей Столяров

ФУТУРОЦИД

Танцуют все

МЫ ВАС ЖДЕМ

Ночью исчезает пятиэтажка напротив нашего дома. Ну не совсем напротив, чуть сбоку, перейти через улицу, за тополями, ограждающими ее от пыли и дорожного шума. Стволы тополей призрачные, как худосочные голограммы, и вечерами желтеет сквозь них тройка окон на втором этаже.

Теперь вместо пятиэтажки – белесая пустота.

Известие об этом приносит нам Геля. Мы, как обычно, пьем чай – ежедневная утренняя церемония, на которой настаивает Анетта. Считает, что семья, хоть раз в день, должна собираться вместе – такой ритуал подтверждает наше существование.

Отец называет это онтологическим укоренением. Он как историк культуры обожает всякие красивые термины. Чайник вскипел, в чашки с кипятком опущены заварочные пакетики, от них, как от испуганных осьминогов, распростра-

няются в воде коричневые облака.

Я свой пакетик уже отжал, сделал глоток.

- Не обожгись, - предостерегает Анетта.

И совершенно напрасно. Я ничего не чувствую – ни температуры, ни вкуса, словно глотаю пустой пресный воздух. Хотя сама Анетта, подняв тонкие брови, извещает нас, что чай сегодня вполне приличный.

Это тоже входит в обязательный утренний ритуал.

Лорхен в ответ иронически фыркает. Она таким образом утверждает свой новообретенный статус. Неделию назад, когда на целых сорок минут возник интернет, Лорхен отправила заявление и анкету в московскую Космическую Академию, а позавчера, когда сеть ненадолго вновь ожила, получила уведомление: ее заявка зарегистрирована, номер такой-то, в сентябре ждите вызова на вступительные экзамены.

Теперь Лорхен преисполнена собственной значимости – ходит надутая, смотрит на всех сверху вниз, единственное, чего опасается, что сентябрь у нас никогда не наступит.

И вот, пожалуйста – врывается в безмятежное утро Геля и сглатывающим, нервным голосом сообщает, что исчез очередной микрорайон.

Новость – будто палкой по голове.

- Это точно? – спрашивает отец.

Геля кивает.

На мгновение все замирает в оцепенении.

Слышно, как с деления на деление перескакивает стрелка

в настенных часах.

А потом Анетта вздрагивает: ах!... – и роняет свою любимую чашку.

Та медленно, словно в невесомости, плывет по воздуху, беззвучно касается толстой деревянной столешницы в глазах темных сучков, но не разбивается, а как бы погружается внутрь нее, постепенно исчезая из вида.

Проваливаясь в небытие.

Все, как зачарованные, наблюдают за ней.

А затем отец решительно поднимается.

- Пошли! – говорит он.

Через пять минут мы стоим на краю тротуара, и взираем на туманный провал, образовавшийся вместо дома. Провал поглотил собой не только эту пятиэтажку, но и три соседних, точно таких же, а еще – часть сквера и широкую полосу вдоль проспекта: там теперь тоже, как вода, вздымаемая придонными родниками, клубится белесая муть.

От центра города мы пока не отрезаны, однако и прямую, вероятно, уже не пройти.

Ничего не поделаешь – Выборгская сторона.

- Н-да... – подводит итог отец.

Радоваться тут нечему.

Тем более что Воха, появившийся, как всегда, неизвестно откуда, сообщает, что, по слухам, аналогичный провал образовался чуть ли не вдоль всего Муринского проспекта. Те-

перь в Петроградский район так просто не попадешь. Разве что на метро. Но на метро у нас полагаться нельзя: оно то ходит, то нет.

- Н-да...

А в дополнение – это уже, покрутив головой, замечаю я – исчезли шестигранные призмы Ферм, еще вчера посверкивавшие за Охтой. Правда, Фермы исчезали и раньше, потом восстанавливались, но в совокупности со всем остальным – это тревожный симптом.

Действует угнетающе.

Особенно на Анетту, которая комкая в ладонях вялый платочек, всхлипывает: «Нина!.. Ниночка!.. Ну ты – зачем?.. почему?..» – в пятиэтажке, где по вечерам теплились окна, проживала ее подруга. Вместе учились, вместе пошли преподавать в Политех.

Порывисто дышит Геля, покусывает напряженные губы Лорхен, у меня самого, тук-тук-тук, будто молоточек, колотится сердце. Даже отцу, чувствуется, не по себе. Он трет ладони одна о другую – признак волнения.

На другой стороне, по границе провала, тоже скапливается народ.

Стоят и молчат.

Словно не люди, а некие виртуальные сущности.

Впрочем, в определенной мере оно так и есть.

- Рванем туда, - шепотом предлагает мне Воха.

- С ума сошел?

- А что?

- Ты на мать посмотри. Она тебе покажет «туда»...

Анетта всхлипывает все громче – сотрясается, прижимает к лицу платок.

К счастью, в этот момент появляется Степанида, как на привязи, волоча за собой Пышку с Пончиком, и в шесть секунд наводит порядок. Анетте она приказывает взять себя в руки: «Что ты разревелась?.. Еще ничего неизвестно, вернется Нинка твоя!...». Лорхен она велит отвести мать домой. И Лорхен трогает Анетту за локоть: «Мама, пойдем». На Воху грозно рывкает: «Что ты панику здесь разводишь?.. Откуда?.. Какой проспект?.. Ты сам видел этот провал?..» – и Воха благоразумно пятится от нее в арку двора. А нам с Гелей, обдав строгим взглядом, командует: «Дети, отойдите от края! Хотите сверзиться?.. Дети! Я кому говорю?»

Мы с Гелей только сейчас обращаем внимание, что действительно стоим на самом краю. И хотя сверзиться в белесый туман не опасно: тонешь в нем медленно, выбраться всегда успеваешь, все-таки поспешно делаем пару шагов назад.

Попробуй не сделать! Степанида работает в школе нашего микрорайона уже тридцать пять лет. Она и учитель, и директор, и завуч – в одном лице. И Анетта училась у нее, и отец. И мы с Гелей учились, и Воха, и Лорхен, и вот теперь еще Пышка с Пончиком, новое поколение. Ее слушаешься автоматически. Анетта как-то сказала, что для Степаниды мы всегда будем детьми. Добавила: как, впрочем, и для меня.

Это иногда раздражает. Какие дети? Геле – тринадцать, мне – четырнадцать лет. Лорхен вообще – уже закончила школу. Но разве взрослых переубедишь?

- Надо бы сверху глянуть, - пользуясь паузой, озабоченно говорит отец. – Это по всему городу происходит или только у нас? Ну и – вообще...

Анетта, двинувшаяся было к дому, тревожно оглядывается.

А у Гели, как по заказу, вспыхивает с тоненьким звоном ладонь, и по световой пленке, одевшей ее, начинают ползти черные печатные строчки.

Она поднимает руку:

- Вызывает Горыныч...

- Нет! – сразу же заявляет Анетта.

Я чуть не подпрыгиваю от возмущения:

- Ну мама!.. Ну мы ведь делали это уже сто раз!..

Анетта машет ладонями:

- Нет!

Спорить с ней бесполезно.

Я перевожу взгляд на отца.

Тот кивает:

- Только недолго и невысоко.

Я снова чуть не подпрыгиваю.

Правда, теперь – от радости:

- Есть, командир!.. Будет исполнено, командир!.. – И пока не вмешалась судорожно вздыхающая Анетта, хватаю за

руку Гелю. – Бежим!..

До Горыныча отсюда недалеко. Мастерские Мехкорпуса, где он обитает, находятся в глухом углу парка, почти скрытые громадными кустами сирени. Металлические двери распахнуты, Горыныч нас ждет. Он уже в курсе всего: опередив нас на пять – семь минут, здесь крутится тот же неутомимый Воха.

Оба лётных корсета тоже – уже выставлены на площадку. Горыныч (вообще-то – Паша Горинич, ни много ни мало а кандидат наук) помогает нам их надеть. Ребра жесткой пластмассы охватывают мне грудь и живот. Щелкают в пазах крылья, закрепляемые на спине, цокают лапки держателей, стискивающих батарейки. Мы с Гелей теперь похожи на неуклюжих ископаемых птиц, зачем-то приземлившихся на асфальт. Воха посматривает на нас с завистью. Третьей пары крыльев у Горыныча нет, к тому же Воха, хоть ни за что не признается в этом, все-таки побаивается летать.

- Внимание! - предупреждает Горыныч.

На наших поясах загораются зеленые индикаторы. Это включается антиграв, или импульсатор, как Горыныч предпочитает его называть. Поскольку тот вовсе не ослабляет гравитацию, что в принципе невозможно, но серией специфических импульсов перераспределяет ее, как бы раздвигая гравитационные линии. Похоже на пузырек воздуха в толще воды: разница плотностей создает тягу вверх. Импульсаторы

Горыныч смонтировал сам, в мастерской, утверждает, что это довольно простое устройство, странно, что никто до сих пор до него не додумался. У меня при этом никаких ощущений не возникает, но я знаю, что если сейчас попытаюсь подпрыгнуть, то подскочу минимум метра на три.

- Ну что, готовы? – спрашивает Горыныч.

- Готовы! – хором отвечаем мы с Гелей.

Горыныч дает отмашку:

- Тогда – вперед!

Я резко отталкиваюсь от земли и одновременно делаю взмах крыльями. Меня, будто мягкой пружиной, выносит над крышами. Через секунду так же плавно взмывает вслед за мной Геля. Еще несколько взмахов и перед нами открывается громадная панорама города. Мы закладываем длинный пологий вираж, чтобы ее обозреть. Собственно, в этом и состоит наша задача: посмотреть, чем сегодняшняя топография отличается от вчерашней.

У будущего странная конфигурация. Оно не образует собой сразу же целостный, непрерывный ландшафт, а формирует сначала лишь отдельные локусы, достаточно далеко отстоящие друг от друга. Пространство между локусами заполняет белесая муть, отец говорит, что так предстает перед нами неосуществленный футурум – то, что пока не имеет сил воплотиться. Причем конфигурация его непрерывно меняется: локусы то сливаются в причудливые архипелаги, то вновь распадаются на мелкие изолированные острова. А то

могут и вовсе исчезнуть, как, например, недавно исчез обширный фрагмент, расположенный за озером Долгим: Комendanтский проспект уходит теперь в белесую пустоту.

Вот и сейчас, описывая неторопливый круг над нашей Выбогской стороной, мы видим, что – да, вместо пятиэтажки, где жила подруга Анетты, клубится провал, собственно, погрузился в небытие целый микрорайон, и что – да, Воха таки был прав: мутный бездонный ров, шириной, наверное, метров в двести, тянется от Светлановской площади аж до Пискаревского парка. Теперь прямым путем в центр города действительно не пройти. И что действительно исчезли шестигранники Ферм – вертикальные, медленно вращающиеся теплицы с непрерывным сельскохозяйственным циклом. И что все так же печально мерцает расположенный неподалеку новый аэропорт: его башенки, его длинные вогнутые причалы то проступают, то растворяются в воздухе.

Будущее размывается, становится все более эфемерным. Это означает, что там, в настоящем, вера в него постепенно ослабевает, потенциала ее уже не хватает, чтобы овеществлять воображаемые миры.

Правда, по-прежнему сияет шпиль Петропавловской крепости, и по-прежнему возвышается надо всем купол Исаакиевского собора, и по-прежнему отражается небо в Неве и по-прежнему блестит оно серебром в руслах рек и каналов. Старый город, как сказал бы отец, онтологически укоренен: он существует и, видимо, будет существовать.

Но ведь этого – мало, мало!

Этого недостаточно, чтобы будущее воплотилось.

Тем более что и в столпотворении улиц, и в тесноте переулков, и на солнечных площадях, и на глади широких проспектов тоже белеют пятна туманных расплывов. Не все, не все из этого сохранится. Укорененность гарантирует присутствие настоящего, но собственно будущее она никогда не создаст.

И значит, еще ничего не определено.

Изогнув запястье, я посматриваю на часы. Наше время заканчивается, надо поворачивать к дому. Батареек, точнее компактных аккумуляторов, каждую пару которых Горыныч заряжает аж сорок восемь часов, хватает при полете всего на десять – двенадцать минут. Это фундаментальное физическое ограничение: мощность, необходимая для поднятия определенной массы, возрастает по экспоненте. Кролика импульсатор поднимает легко, Гелю или меня, то есть подростков, уже на пределе, а чтобы поднять взрослого человека, требуется энергия целой электростанции.

Как это ограничение преодолеть, Горыныч пока не знает.

В общем, я показываю Геле, что нам пора. И в ту же секунду внезапно проваливаюсь вниз метров на двадцать. Буквально переворачиваюсь вверх тормашками. С трудом выравниваюсь, напряженно стабилизируя крылья, но тут же проваливаюсь опять, словно в какую-то яму.

Дальнейшее падение не остановить. Мелькают то земля,

то белизна летнего неба. Я беспорядочно кувыркаюсь. Вращается сумасшедшая карусель. Воздух меня не держит, я будто попадаю в разреженную стратосферу. Каким-то чудом мне все-таки удастся перейти в планирующий полет, который, правда, больше похож на крутое пикирование. Стремительно приближаются железные крыши Мехкорпуса. Понятно, что на такой скорости я разобьюсь о них всмятку. И тут что-то, будто за шиворот, ощутимо встряхивает меня. Падение замедляется. Мотает из стороны в сторону. Это Геля, упав сверху, вцепляется в перекладину моих крыльев.

Глиссада – траектория снижения – все равно слишком крутая.

- Не надо!.. Отпусти!.. – кричу я сквозь надсадный свист воздуха.

Геля тоже что-то кричит мне в ответ. Что именно – не разобрать. Она задыхается. Железные крыши Мехкорпуса уходят куда-то вбок. Рвутся навстречу деревья, аккуратно подстриженные кустарники. Геля бьет крыльями так, что на мгновение мы чуть ли не зависаем.

Правда, именно на мгновение.

А затем, как подстреленные, прорвав хаос листьев и веток, рушимся на твердую почву...

К счастью, отделяемся мы легко. У Гели – синяки на руках, царапины, ободрана кожа на подбородке – это она ударилась им о ту самую перекладину. У меня синяков и сса-

дин, конечно, побольше, но в целом тоже – ничего особо серьезного. Разве что я чувствительно ушибся коленом: хожу прихрамывая, подволакивая правую ногу. Да еще ноют руки и плечи, но вот это как раз обычное состояние после полета. Сказывается напряжение мышц.

Гораздо хуже дело обстоит с импульсатором. Горыныч проверяет аккумуляторы-батарейки, и оказывается, что энергии их хватило бы еще на пять – семь минут.

Значит, загвоздка не в них.

И действительно, когда Воха – он-то не пострадал – надевает корсет и осторожно включает пояс, то стрелка напольных весов, где Воха стоит, даже не вздрагивает, хотя на контрольном экране видно, что импульсы нужных характеристик идут один за другим.

То есть пропал сам эффект компенсации.

Паша Горинич – в отчаянии. Он вновь и вновь проверяет свои расчеты, снова и снова прозванивает электрощупами каждый узел в сложных соединениях, наконец полностью разбирает один из корсетов и собирает его в несколько иной композиции.

Все бесполезно.

Его больше всего сбивает с толку, что обнуление эффекта произошло не одновременно: сначала у меня и лишь секунд через тридцать у Гели, вероятно, в тот самый момент, когда мы с ней зависли метрах в трех от земли.

Что это значит?

Да, что это значит?..

В общем, после часа разнообразных потуг Паша, стиснув зубы, приходит к выводу, который мы с Гелей сделали гораздо раньше: сменилась версия будущего, и в этой новой версии, утверждающейся сейчас, эффекта гравитационной компенсации не существует. Обидно, разумеется, но это – так. Более того, мы предчувствуем, и подобный опыт у нас уже есть, что даже память о данном эффекте постепенно выветрится. И если он впоследствии все же будет открыт, то, вероятно, не Пашей Гориничем и не здесь.

Вдвойне обидно.

На Пашу жалко смотреть. Он весь осунулся, потускнел, забился в угол между столиком, заваленном бумагами, и заляпанным черт-те чем верстаком, понурил голову, словно ему трудно ее держать. Какой теперь из него Горыныч? Скорее – Кощей Бессмертный, изнуренный болезнями.

Геля гладит его по руке и утешает, говоря, что еще не все потеряно:

- Пашенька... Ты же понимаешь: эта конфигурация – не окончательная...

В ее словах есть резон. Как полагает отец, мы представляем собой эвентуальные, то есть предположительные, состояния будущего, те его возможные версии, которые могут быть осуществлены. Причем чем сильнее вера в какую-либо из версий, чем больше делается, чтобы продвинуть настоящее именно к ней, тем зримее и вещественнее становится ее

фактура, тем более материальной она предстает.

Поэтому наш мир непрерывно меняется. В нем могут возникать пейзажи фантастической красоты – контуры необычных зданий, аллеи разноцветных садов, висящие в воздухе галереи, будто выточенные из хрусталя... Вздываются вдруг за Охтой арки громадного аэропорта и, отделяясь от них, бесшумно уходит в высь сигара серебристого автобуса. Встают мерцающие фасады вокзала где-то у Парголово, и – опять же бесшумно – трогаются по рельсам вагоны, светящиеся изнутри. Правда, в аэропорт не войти, в вагон поезда не подняться – ступеньки неощутимо проваливаются под ногами. Они станут материальными лишь тогда, когда это будущее будет реализовано. Когда оно совместится с тем настоящим, которое является бытийной опорой его.

Или не совместится.

И тогда мы растворимся в небытии.

Тогда вместо будущего нас будет ждать белесая пустота.

Воха так и стоит – на весах, распахнув перепончатые остроконечные крылья. Смотрит в небо, словно прикидывая, сумеет ли он преодолеть страх высоты. И мне кажется, что миллионы людей сейчас точно так же с тревогой, а, может быть, и с надеждой всматриваются в грядущее, прикидывая, сумеют ли они преодолеть свой страх перед ним. Сумеют ли они воспарить в новый мир или так и утонут в обыденном, выдохшемся, безвкусном, обессиленном настоящем.

Останутся в вечном «сегодня», которое постепенно пре-

вращается во «вчера», и никогда, никогда не рискнут переступить порог «завтра».

Вот такие невеселые у меня мысли.

И я рад, что их вдребезги разбивает переливчатый телефонный трезвон.

Полная неожиданность!

Телефон в нашем локусе не звонил, по-моему, вообще никогда.

Мы ошеломленно переглядываемся. Я, честно говоря, даже не сразу соображаю, где находится аппарат. Но тут Горыныч, вскакивает, как подброшенный, одним махом сбрасывает со стола ворох каких-то бумаг, хватая трубку и, послушав мгновение, растерянно говорит:

- Это тебя...

- Меня?!.

- Тебя, тебя, ну – держи!..

Ничего хорошего я не жду.

И в самом деле Лорхен непререкаемым тоном требует:

- Немедленно возвращайся домой!

Она явно сдерживается, но напряженный голос ее похож на крик. И прежде чем она успевает добавить что-то еще, я уже догадываюсь, что случилось.

Анетта!..

- Быстрее! Быстрее!.. – говорит Лорхен.

Сердце у меня как бы переворачивается и тоже, словно утратив крылья, проваливается куда-то – в бездонную

жуть...

Я не ошибаюсь. С Анеттой что-то вроде тихой истерики. Она сидит на диване, на скомканном клетчатом пледе и отталкивает стакан с водой, который ей протягивает Лорхен:

- Не хочу... не хочу...

Лорхен не сдаётся:

- Выпей, это лекарство.

- Какое лекарство?.. Нет у нас здесь никаких лекарств...

Краем глаза я замечаю, что отец, пребывающий в данный момент за столом, сидит с идеально прямой спиной, и лицо у него такое, будто он внезапно ослеп.

Однако хуже другое. Ладонь, которой Анетта отталкивает стакан с водой, проходит сквозь него, как сквозь потусторонний фантом. Только фантомом здесь является не стакан, а ладонь. Более того, я вижу, что и сама Анетта слегка просвечивает, словно она сделана из цветного стекла: проступают на заднем фоне, хоть и не слишком отчетливо, спинка дивана, узорчатые обои стены...

Сердце у меня кувыркается еще раз.

Мне хочется крепко зажмуриться и закричать:

- Нет-нет-нет!..

Но Лорхен не дает мне даже вздохнуть. Немедленно хватается за руку и выводит вперед:

- Вот Стас... Мама, смотри!.. Посмотри, говорю, это Стас!.. Ты хочешь, чтобы он ушел вместе с тобой?

Анетта несколько секунд вглядывается в меня, словно не узнает, а потом растеряннo шепчет:

– Не знаю... Может быть, лучше так, чем никак... Вы же видите: о нас все забыли... Никто не хочет будущего, никто не верит, что оно может для нас наступить... Мы так и останемся призраками – тенями среди теней...

Я вижу, что вся фигура ее как бы колеблется, физические очертания становятся зыбкими и неопределенными. Они дрожат и расплываются по краям. Мне снова хочется зажуриться и закричать: нет-нет-нет!..

Однако Лорхен беспощадно встряхивает меня:

- Где Ангелина? Очнись!..

Я оглядываюсь: и точно – где Геля? Только что стояла рядом - и вдруг...

Или не стояла?

Или Геля тоже – растворилась в небытии?

Нет-нет-нет!..

Впрочем тут же хлопает дверь: Геля появляется вместе со Степанидой – вот куда она бегала – и та немедленно берет командование на себя:

- Так, что тут у вас? – Одним движением она пресекает Лорхен, пытающуюся что-то сказать. – Не надо, Лора! Вижу сама. – Озирается. – Радио у вас есть?

- Радио? – переспрашиваю я.

- Да, радио. Кухонный приемник такой...

А бог его знает. Мы и не включаем его никогда. Там – то

хрип и взвизгивание помех, то – непроницаемая загробная тишина.

Отец, тем не менее, вскакивает:

- Есть, есть!.. – водружает на стол пластмассовую, серо-голубую коробку, вдавливая одну из клавиш на лицевой стороне.

Взрывается обычная мешанина звуковой хрипоты.

Ну и что?

Мы это слышали много раз.

Однако Степанида уверенно подкручивает настройку, и вдруг по комнате прокатываются волны торжественного баритона:

- ...в день юбилея Союза Суверенных Республик... многотысячные праздничные демонстрации во всех столицах страны – в Киеве, Минске, Москве... Прошла демонстрация в окрестностях российской Лунной базы «Иван Ефремов»... Приветствие Союзу передала «Гея» – Международная орбитальная марсианская станция...

Звук нарастает. От голосовых вибраций начинает подрагивать воздух – даже чуть-чуть бурлит, исполненный жизненных сил. Анетта поворачивается к приемнику – щеки у нее розовеют, в глазах – влажный блеск.

Она словно возвращается из сна снова – в явь.

Степанида энергично показывает нам рукой: давайте, давайте отсюда. Мы на цыпочках переходим в кухню. Отец притворяет дверь и шумно вздыхает.

Вид у него слегка очумелый.

Он смотрит на Гелю, на Лорхен, потом – на меня.

Кивает, успокаиваясь:

- Кажется, пронесло...

Мы с Гелей сидим на поребрике, окаймляющем Ольгинский пруд, и смотрим, как, отражая небо, стоит в нем вода, похожая на разбавленное молоко. Хотя, конечно, никакого неба у нас пока нет. Нет у нас ни неба, ни солнца, ни звезд, ни луны – просто днем становится светло, а к ночи воздух темнеет. Нет даже отчетливого горизонта, все обволакивает белесый туман, сгущающийся в провалах.

А еще у нас нет ни зимы, ни лета, ни дождей, ни ветра, ни слякоти, ни жары, ни морозов, ни листопада. Стоит вечный «август», как мы его называем, – ровная, теплая, никогда не меняющаяся, сухая погода.

Одним словом – версия, а не настоящая жизнь.

- А знаешь, - чуть запинаясь, говорит Геля. – Я вчера опять видела маму. Вечером листала журнал, вдруг чувствую – кто-то, осторожно так, бродит по кухне. Гляжу – она чай наливает, взяла кружку, отпила, смотрит в окно... А еще, знаешь, я ей закричала: «Мама! Мама!.. Я – здесь!..» – и она, по-моему, меня услышала, обернулась... Я, конечно, журнал бросила, побежала на кухню – там уже нет никого...

- Она придет, придет, - обещаю я. – Ты же видишь: с каждым своим появлением она выглядит все отчетливее...

- Может быть, – шепотом говорит Геля. И немного прищуривается, словно ей больно смотреть. – Только мне кажется, что твой отец прав: они... там... в самом деле боятся будущего... Они его не хотят... Они цепляются за настоящее... Они все силы тратят, стараясь удержать то, что есть...

- Но мы все-таки существуем, - отвечаю я.

И чтобы убедить в этом Гелю, осторожно беру ее за руку.

Больше всего я боюсь, что наши ладони, как у Анетты, неощутимо пройдут друг сквозь друга – как сквозь воздух, как сквозь иллюзорный обман. Но нет – пальцы плотно соединяются, и я даже чувствую исходящее от них живое человеческое тепло.

Геля вздрагивает. Доносится сверху какой-то невнятный крик. Проскальзывает по нам, по молочной воде легкая тень. И в то же мгновение, подняв головы, мы видим, что большая неторопливая птица, раскинув крылья, описывает над прудом полукруг и, видимо, поймав восходящий поток, будто подброшенная, взмывает к небу.

Так это же – Воха!

Значит, импульсатор опять заработал. И значит, Воха, Воха – надо же Воха! – преодолел таки боязнь высоты.

Мы радостно машем ему.

А Воха снова приветственно нам кричит, и, заложив аккуратный плавный вираж, уходит, понемногу снижаясь, к крышам политеховских мастерских, где, вероятно, ожидает его счастливый Горыныч.

- Смотри, смотри! – восклицает Геля.

Впрочем, я уже вижу и сам: встают в отдалении, за извилистым руслом Охты, стеклянные, шестигранные башни Ферм, внутри которых сияют сиреневые, красные, желтые, оранжевые сказочные плоды. И я слышу, как рождается шорох в кронах деревьев: это волной прокатывается по ним густой августовский зной. И еще я вижу прохожих на улице – их немного, всего человек пять или шесть, но они явно живые, не призраки, спешат по своим делам. А чуть выше, в далеком небе, которое вдруг обрело яркую синеву, величаво плывет пузатая, с прозрачными стенками платформа рейсового аэробуса, видимо, примериваясь к посадке в аэропорту.

Продолжается это два – три мгновения. А затем пейзаж вновь заволакивается дымчатой пеленой.

И все-таки он проступил!

Я сжимаю теплые гелины пальцы, и мне хочется крикнуть тем, кто неразличим в толще лет: вот оно, будущее! Оно действительно существует. Оно может стать таким, в каком вы хотели бы жить. Оно совсем рядом. Надо только верить в него. Надо его создавать, и тогда призрачные очертания овеществятся. Вы вступите в мир, который, там, в прошлом, кажется вам миражом.

Однако это не мираж, а реальность.

Мне хочется крикнуть.

Мне хочется, чтобы меня слышали.

Идите сюда.

Мы вас ждем!...

АНАФИЛАКТИЧЕСКИЙ ШОК

Кирик шагает на эскалатор. Ему странно видеть пустые ступени, бегущие вниз. И такие же пустые ступени, беззвучно всплывающие наверх. Станция закрыта. Нигде ни одного человека. Только в вестибюле, при входе, прохаживается полицейский. И вдали, на платформе видна фигура дежурной. Она машет ему рукой. Значит, предупреждена. «Пойдёмте, пойдёмте», – дежурная открывает дверь в какой-то предбанник. Правой стены там нет, спускается вниз железная лестница. Кирик, держась за перила, осторожно преодолевает ее. Вот тут народа уже хватает. Сразу замечен Дурдомер – лицо у него будто сшито из замороженных куриных окорочков, рядом с ним, в форме, два служащих метрополитена, и еще один незнакомый Кирику человек в чиновничьем сером костюме-тройке. Присутствует также Гера, эксперт, который пинцетиком, аккуратно отколупывает что-то от стен, рассматривает на свет, складывает в стеклянную баночку. За ним наблюдает еще один служащий метрополитена, а также – Васьваныч, не выказывающий, впрочем, особого интереса. Васьваныча вообще трудно чем-нибудь удивить. Тут же присутствует вездесущий Виталик, куда же без него. Он единственный, кто оборачивается на Кирика и радостным шепотом поясняет, что расползлась к черту изоляция кабеля: ко-

роткое замыкание, три концевых станции отключены.

- А это, – он чуть заметно кивает на мужчину в сером костюме, – Игорь Клюк, «Севгоркабель», представитель поставщика...

- Клюк ты сказал?

- Да, Клюк, первая буква именно «ка»...

Ничего себе образовалась компания. Дурдомер, сам Кирик (фамилия еще та), Виталик Хапан, эксперт Герман Хвощ, фамилия Василия Ивановича – Самолом. И к ним – Игорь Клюк. А ведь есть еще Ольга Ламака, секретарь Дурдомера. Как на подбор. И место для них самое подходящее: черный, скудно освещенный туннель уходит, как представляется, прямо в ад. Змеятся толстые кабели, поблескивает полировка рельс, веет душный сквозняк, рождая мысли о демонах, которые вот-вот появятся из темноты. Впрочем, до демонов никому дела нет. Разгорается рутинный административный скандал. Представитель поставщика, потрясая какими-то многостраничными документами, доказывает, что с их стороны вины нет. Предлагает немедленно ознакомиться с актами экспертиз. Дурдомер в ответ надувает щеки и потому делается еще крупнее. Один из служащих метрополитена, рубя воздух рукой, яростно возражает, а другой, более сдержанный, записывает объяснения на диктофон. Решается вечный русский вопрос: кто виноват? Другой вечный русский вопрос: что делать? – уже решен. Метрополи-тенщик, который яростно возражал, говорит, что они могут

пока бросить временный кабель, а ночью, после закрытия, произведут капитальный ремонт.

- Когда вы пустите линию?

- Через час.

Дурдомера это вполне устраивает. Ну и зачем меня вытащили сюда? – думает Кирик. Он чувствует свою полную неприкаянность. К тому же что-то щекочет его по ноге. Он, как лошадь, лягает ей воздух, не помогает, задирает штанину и видит ползущего вверх муравья, сшибает его щелчком и замечает, поскольку нагнулся, струйку живых существ, текущую вдоль платформы. Тоненькая такая, колеблющаяся, зыбкая ниточка, поблескивающая хитином. Кирик протискивается к Хвощу и трогает его за плечо:

- Баночка у тебя найдет?

Тот очумело трясет головой.

- Какая баночка?

- Куда ты образцы собираешь.

- Тебе зачем?

- Надо...

Гера Хвощ хлопает белесыми веками, а потом тычет пальцем в сумку, стоящую позади:

- Вон, там возьми...

С баночкой в руках Кирик присаживается над муравьиной тропой и вдруг обнаруживает, что оказался в центре внимания. Даже Дурдомер повернулся всем корпусом и уставился на него. Делать, однако, нечего. Кирик распечатывает баноч-

ку и, положив ее на пол, загоняет туда нескольких муравьев. Те панически мечутся по вогнутому стеклу.

У Дурдомера внутри черепа что-то щелкает.

- Ага... биологическая экспертиза, - изрекает он. – Это правильно. Вопрос следует рассмотреть со всех сторон. Сергей Александрович, отчет прошу – сразу ко мне.

Чувствуется, что он доволен. В заключении комиссии появится целый новый раздел. Возрастет документооборот – главный критерий, по которому оценивается работа. Дурдомер настолько доволен, что берет Кирика под руку и, чуть отвернув от других, доверительно сообщает:

- Кстати, вам привет от Петра Евгеньевича.

Кирик не сразу соображает, кто это такой, Петр Евгеньевич. Потом у него тоже в мозгу что-то щелкает: ах, да – это же Петер.

- Вы с ним где-то встречались?

- Он приехал на конференцию «Технологии: двадцать первый век».

Молодец Петер, не забывает. Это очень полезно, что он напомнил Дурдомеру об их приятельских отношениях. Дурдомер такие вещи учитывает. Тем не менее Кирик стоит со своей баночкой как законченный идиот. Он нарушил одно из главных бюрократических правил: ни во что не вступать. Чем меньше сцепление с жизнью, тем лучше. Инициатива всегда наказуема: вот, пожалуйста, он теперь отвечает за биологическую экспертизу.

Ну и как с этим быть?

Выручает его Васьваныч. Нажимает кнопку на сотовом и говорит:

- Спиши телефончик. Морковец Виктор Степанович, кандидат наук, энтомолог, работает в университете. Он уже делал для нас экспертизу где-то месяц назад. Ждет тебя через час.

У Кирика – гора с плеч.

- Васьваныч, ты – человек!

- Да, ладно тебе...

- Нет, честное слово!

- Сочтемся, - негромко отвечает Васьваныч.

Морковец оказывается чуть всклокоченным молодым человеком – в джинсах, в клетчатой рубашке навыпуск, в тяжелых бифокальных очках. Имидж – современный ученый. Он тут же достает ватку, конический пузырек, капают чем-то пахучим, очень ловко вытряхивает из баночки единичного муравья – тот пытается бежать, лапки у него заплетаются – крошечным пинцетом Морковец переносит его на стекло, встроенное в прибор, который он называет «бинокуляр». Подкручивает ребристое колесико сбоку.

- Так-так... Ну это, судя по всему, «муравей фараона», мономориум фараонис, самый распространенный в наших окрестностях вид. Знаете, откуда название? Он был обнаружен в гробницах египетских фараонов лет двести назад,

впервые его описал Карл Линней. Знают его также, как «корабельного муравья», потому что с морскими судами связана его фантастическая экспансия. В начале девятнадцатого столетия он из Египта попадает в Лондон, заполоняет собой весь город, селится у каминов в щелях. В середине века его обнаруживают уже в Австрии, а еще лет через двадцать – в Москве. И примерно в это же время он перебирается в Северную Америку. Это было точно нашествие диких орд. М... м... м... давайте-ка я вам прочту... – Морковец встает, проводит пальцем по корешкам книг в шкафу, открывает одну из них, перелистывает пару страниц. – «Дом был замечательный, если бы не муравьи. Они там кишели повсюду и в первое же утро нашей жизни оказались и на нас самих, и на нашей пище, везде... Они сновали под нашей одеждой, путались в волосах, ползали по рукам, лезли в глаза. Сначала мы пробовали их ловить, топтать ногами, даже топить в воде, но вскоре уверились, что все бесполезно, и тогда дали им волю: пусть бегают, где хотят. Больше ничего не оставалось делать, разве что брыкаться, подпрыгивать, ежиться, смахивать их с рук и с лица»... – Морковец поставил книгу назад. – Знаете, почему так трудно с ними бороться? У мономориум фараонис муравейник распределенный, то есть не целый, а состоящий из множества гнезд, которые отстоят друг от друга достаточно далеко. Сетевой принцип организации, такой же, как у Аль-Каиды. Ведь живучесть сетей обусловлена тем, что там есть провайдеры и модераторы, поддерживающие ком-

муникации, но отсутствует единый управляющий центр. А потому удар по любому сегменту сети не приводит к ее распаду, сеть все равно живет – распространяется вширь.

- Чем они питаются? – спрашивает Кирик. Ему немного не по себе. Комната тесная, шкафы, которыми она сплошь заставлена, образуют множество закутков. За стеклянными плоскостями наколото жуткое количество насекомых – жуки, бабочки, гусеницы, что-то еще, такое же неприятное. Они, конечно, безнадежно мертвы, но Кирику почему-то кажется, что за спиной у него они шевелятся, подергивая членики ног. И еще запах какой-то – тяжелый, безжизненный, будто из-под земли. Так, наверное, пахнет смерть.

- Ну, питаются они чем угодно, - говорит Морковец. – Сахар, хлеб, колбаса... Жрут практически все. У вас какой-то конкретный вопрос?

- Изоляцию электрических проводов они могут сожрать?

- Пфу-у-у... – Морковец озадачен. – Утверждать это категорически не берусь. Все же пластмасса – не колбаса... Но наверное, могут ее разгрызть, чтобы построить гнездо... А в чем, собственно, дело?

Кирик объясняет, в чем дело.

- Заключение как эксперт можете написать?

Морковец пожимает плечами:

- Я ведь уже писал для Василия Ивановича Сомолома. Насчет моли, забавный был тогда инцидент. По тем же расценкам – пожалуйста. Срок исполнения – две недели. Только

вопрос: будут ли какие-нибудь особые пожелания?

Под «особыми пожеланиями» подразумевается: «что вам требуется, то и напишу».

Очень удобный эксперт.

Правда, Кирик еще сам не знает, что тут потребуется.

Тоже пожимает плечами:

- Договор я вам сегодня пришлю...

Всю дорогу он выдыхает смерть, пахнущую хитином, и вдыхает сначала асфальтовую городскую жару, а затем – безжизненный воздух административного офиса. Это тоже – смерть, но к ней он привык. И потому, без особых усилий преодолевая бюрократическую духоту, сначала дает распоряжение Ольге, чтоб та отправила Морковцу бланк договора, а далее, полностью выключив мозг, пишет и рассылает информацию в местную прессу. Тут главное, чтобы сухо и коротко: был технический сбой, уже ликвидирован, работает комиссия экспертов (и обязательно Дурдомера упомянуть), все в порядке, сограждане, можете спокойно закусывать, администрация бдит.

Конечно, аналогичную информацию разошлет и метрополитен, но во-первых, Дурдомера они могут и пропустить: им свое начальство надо пиарить, а во-вторых, что для нас главное? Правильно, документооборот. Так вот вам бумага, что сделано аж семнадцать рассылок. Собственно, в этом и заключается его основная работа. Формально Кирик числится

пресс-секретарем, но пресс-конференций никогда не проводит. Дурдомеру, слава богу, хватает ума понять, что вылезать на публику с его неандертальской физиономией, с его речью, где фразы стукаются друг о друга, как обрезки чугунных труб, значит мгновенно заработать отрицательный рейтинг. Так что никаких пресс-конференций, никаких встреч с журналистами лицом к лицу, только официальные заявления, только безвкусная, как опилки, отжатая и спрессованная информация. Потом она прокрутится по разным каналам, древесной пылью осядет на мозги, и так уже замороченные всяческой ерундой, забудет их до полной непроходимости.

Что нам и требуется получить.

Кирик старается не думать об этом. Если думать об этом, наваливается глухая тоска. А в непрерывной изматывающей тоске жить нельзя. Порой ему кажется, что во всем виновата фамилия. Что такое «кирик», если глянуть со стороны? Такая фиговинка, которая никому не нужна. В свое время Вероника отказалась от нее наотрез. Осталась – Вероника Ахтонская. Звучит-то как! Объясняла уже тогда, что главное в наше время – это звучать. Если ты не звучишь, тебя как бы нет.

Правда, Кирик и сам немного звучит. Вечером, когда он за ужином слушает сводку городских новостей, то среди прочего сора вылавливает и свой скудный текст. Передают слово в слово, как он написал. И фамилию Дурдомера произносят в

кои-то веки правильно: через «о», Дордомер, а не через «у», как его называют между собой. Кирик доволен: в его работе пусть небольшой, но существенный плюс. Настораживает его лишь то, что Вероника, против обыкновения, не уходит к себе, а терпеливо сидит и ждет, когда диктор перестанет выдалбливать информационную пустоту.

Означает это, что у нее есть к нему разговор, и он даже догадывается – какой.

И действительно, дождавшись конца новостей, Вероника сообщает ему, что беседовала сегодня с директором школы, тот считает, что у Халы есть все шансы получить золотую медаль. Но она как будто не очень-то этого хочет.

- Вялая она какая-то. Учителя считают, что темперамента у нее нет.

- Вся в меня, - замечает Кирик.

- Ну, у тебя-то как раз темперамент есть.

У Вероники чуть розовеют скулы. Это приглашение – на завтра, на утро, когда Хала уйдет. До того, как Кирик отправится на работу, у них будет почти полчаса.

- Ты бы с ней как-нибудь поговорил...

Тут же появляется и сама Хала. По обыкновению – будто материализуясь из ничего. Вытягивает из вазочки карамельку, ясным взглядом смотрит сначала на Веронику, потом на Кирика, просит, почти неслышно: «Не надо меня обсуждать», - и исчезает, прикрыв за собою дверь.

- Вот видишь.

- Ладно, я с ней поговорю.

У Кирика есть некая тайна. Однажды – Хале было всего пять лет (скажи: Галя – Хала, отвечала она) – когда Кирик укладывал ее спать (Вероника была тогда в отъезде, в Москве), он вдруг с дрожью заметил на розовых детских руках перепонки меж пальцами, как у водоплавающих птиц. Тоненькие такие, но совершенно отчетливые, тоже – розовые, простертые почти до ногтей. От испуга чуть было не закричал. Перепончатая синдактилия, как он выяснил позже, перелистав медицинский словарь. Ничего страшного, устраняется косметической операцией. Но самое поразительное, что утром схлынуло, будто сон. Никаких перепонок, руки как руки, сдобные детские пальчики, припухлые вдоль фаланг. Веронику он загружать этим не стал. Тут же начался бы безумный бег по врачам. Тем более, что ничего подобного больше не было. Хотя Кирик подозревает, что перепонки иногда появляются и сейчас. Только Хала теперь их убирает сама. Он ей ни разу об этом даже не намекал.

Ночью ему долго не удастся заснуть. Стоит прикрыть глаза и тут же всплывают то расплывчатая морда Дурдомера – трутся друг о друга грубые мясные шматы, то сонм корчащихся ужасных членистоногих, наколотых на булавы, то уходящий в землю туннель метро, откуда вместе с напором воздуха поднимается мрак. А если глаза открыть, то проступает из темноты мутный прямоугольник окна. Кажется, что

за ним жизни нет. И ведь ее, как он понимает, действительно нет: то, что есть, это не жизнь, а ее уплощенное, как на экране, отображение. Мы живем в какой-то вымороченной реальности, думает он, и чтобы в этой шизоидальной реальности хоть как-то существовать, надо либо сливаться с пейзажем, не выделяться, быть никем и ничем, либо уметь рвать других на куски, демонстрируя время от времени кровавый оскал. Здесь надо обладать особой стервозностью, желанием протолкаться, всех растоптать, унижить, повергнуть в прах. Он знает, что этой стервозности у него нет, у Халы – тем более. И если он сам уже как-то научился сливаться с пейзажем, овладел мастерством быть никем и ничем, то Хала, доверчиво глядя, бредет себе, как новорожденная лань. Она буквально напрашивается на звериный рык, и Кирик отчетливо понимает, что не сможет ее защитить. Он смотрит в галлюциногенную, бессмысленную муть за окном и чувствует, как она постепенно растворяет его.

Далее все повторяется, будто вязкий кошмар. Кирик снова шагает на стелющийся, точно водопад, эскалатор. Он снова видит странно пустые ступени, бегущие вниз. И такие же пустые ступени, всплывающие наверх. Станция снова закрыта. Снова дежурная на длинной платформе машет ему рукой. Снова – железная лесенка, и снова распахивается оплетенный проводами туннель. Только теперь это уже совершенно другая станция и другая ветка метро, ведущая не на запад го-

рода, а на восток. И людей здесь скопилось уже значительно больше. Кирик видит трех полужнакомых ему сотрудников МЧС, главу комитета по транспорту с заместителем и секретарем, две группы экспертов, группу ремонтников в рабочих комбине зонах. А служащих метрополитена вообще не счесть: они, словно ратники, готовые ринуться в бой, окружают двух грузных людей, набывчившихся на Дурдомера. В воздухе стоит не то чтобы крик, но шинкуют его такие яростные голоса, что подземные демоны, вероятно, забились в самые дальние закоулки.

Это, впрочем, понятно. Кирик знает уже, что сбой произошел в восемь утра – самый «злой» час пик, когда плотная человеческая волна течет из новостроек в центр города. И хотя комитет по транспорту – это ясно из реплик – сразу же перебросил сюда десяток автобусов, затор образовался невероятный: даже сейчас, когда время уже приближается к десяти, наземный транспорт штурмом берут осатанелые толпы. К тому же (это сообщает ему уже Васьваныч), целых два поезда застряли внутри туннелей, была паника, пассажиров пришлось выводить оттуда по шпалам. А это уже подлинное ЧП. Тем более что происходит оно два дня подряд. Граждане в таких случаях начинают дубасить жалобами администрацию, администрация, в свою очередь, начинает дубасить соответствующий комитет, комитет, чтобы не остаться в долгу, дубасит всех, кто имеет к этому хоть какое-нибудь отношение. Главный удар, конечно, обрушится на метро, но и им,

как считает Васьяныч, тоже неслабо перепадет. Идет ковровое бомбометание; в общем – ложись, замри и голову не поднимай.

- Нет, чтобы мне в отпуск на неделю раньше уйти, - вздыхает он, - сейчас бы забот не знал.

Кирик тем не менее ложиться и замирать не намерен. У него в рукаве есть джокер, который он собирается выбросить в подходящий момент. Когда минут сорок назад он, опаздывая, бежал по проспекту, ему позвонил возбужденно-радостный Морковец и сообщил сногшибательное известие. Оказывается, за ночь муравьи разгрызли пластмассовую крышку на баночке – так что ни крошки, вы представляете, ни крошки от нее не найти! – а заодно обглодали около метра провода на стене.

- Короткое замыкание!.. Почему меня и вытащили на работу прямо с утра!..

Морковец булькает от восторга и кричит, что это все же, наверное, какой-то неизвестный науке вид. Ему срочно требуются дополнительные экземпляры. Кирик, быстро соображая, заявляет в ответ, что дополнительные экземпляры ему, разумеется, будут, а пока пусть срочно пришлет свое предварительное заключение. Только посолидней, пожалуйста, я вас прошу, чтобы выглядело – как документ.

Сейчас его смартфон противно пищит, открываются мелкие буковки текста, Кирик наскоро пробегает по ним глазами, а потом аккуратно проталкивается к Дурдомеру и, до-

ждавшись пробела в кипении административных страстей, нарочито скрипучим голосом сообщает, что им получено заключение биологической экспертизы. После чего таким же скрипучим голосом зачитывает его – за абзацем абзац.

Наступает потрясающая тишина. Джокер, который выбрал Кирик, переворачивает всю игру. Слышно, как интеллигентно матюгается бригада ремонтников, разворачивающая временный кабель. Слышно, как чуть завывает в туннеле черный сквозняк. Но уже через половину секунды образуется какофонический взрыв. Представитель поставщика, Игорь Клюк, взмахивает документами и кричит: «Вот видите!.. Мы здесь ни при чем!..» – Метростроевцы, перебивая друг друга, вопрошают, почему сразу не был поставлен в известность Горсанэпиднадзор?.. Ребята из МЧС хором требуют, чтобы немедленно был оформлен какой-то дополнительный акт. Остальные присутствующие тоже подают голоса. Словом, воцаряется привычная рабочая атмосфера. Всех, однако, перекрывает чугунный приказ Дурдомера, исходящий как будто не из него, а откуда-то с громовых небес: «Через два часа у меня в кабинете!» – После чего Дурдомер поворачивается и уходит. А Кирика дергает за рукав ухмыляющийся Васьваныч:

- Ну, ты даешь! Всех уел! Молодец!.. Пойдем, я тебя подвезу...

По дороге Васьваныч рассказывает, что у них были за тан-

цы с молю. Как всегда, история в его исполнении превращается в захватывающий многосерийный триллер. Месяца два назад – посреди ночи, заметь! – они получили вызов из Торгового центра на проспекте Большевиков. Причем по содержанию вызова нельзя было понять, что там собственно произошло. Абонент, как позже выяснилось охранник центра, просто вопил, что летит отовсюду страшная моль, нападает на всех, не отбиться, сейчас всех сожрет! Диспетчер сначала решил, что это наркоман или псих, но нет – тот адрес назвал, свою фамилию, от какой фирмы работает.

- Ну, в общем, приехали мы туда минут через двадцать. Видим – картина маслом, шо там, звиняюсь, ваш Сальвадор Дали. Здоровенная такая чувырла, аж в пять этажей, все стены насквозь стеклянные, везде горит свет. Охранник потом рассказал, что как услышал шорох – сразу зажег. А главное, за стеклом будто снежный буран – так и бьется, так и накатывается волнами изнутри. То ли пух белый летит, то ли что. И кидается навстречу нам человек: словно пугало, весь в лохмотьях, сквозь дыры голые локти и коленки торчат. Вопит то же самое, что в телефон: летит, дескать, жуткая людоедская моль, жрет на ходу, второй охранник, значит, как закрутился в ней, так и кирдык. Центр этот, оказывается, одеждой и обувью торговал... Ну мы – что? Один пистолет макарова у нас на двоих. Я говорю напарнику: давай, Рашид, вызывать пожарных. Напарник у меня из мигрантов, но – понимающий человек. Приехали две машины, залили пеной все пять эта-

жей. Потом второго охранника обнаружили – забился бедняга в подсобку, сидел там тихо, как мышь.

- А дальше? – интересуется Кирик.

- Что дальше? Представил я, как положено, рапорт, и все. Шума никакого особого не было. Фирма, которой центр этот принадлежал, естественно, спустила дело на тормозах. Ну, Марковец официальное заключение написал: взрывчатая пролиферация *тинеола* – это он по латыни – вызванная специфическими условиями содержания. Про влажность что-то мудреное загрузил, про аномальный температурный режим. Смысл был такой, что сначала там личинки дико размножились, накопились, распространились где-то внутри, а потом вдруг, все разом, начали превращаться в бабочек. Между прочим, сама моль вещей не жрет: зубов у нее нет, жрут только эти... личинки.

- И откуда, Васьваныч, ты все знаешь?

Васьваныч побряхтывает от удовольствия.

- Википедию читать надо, - снисходительно поясняет он.

А совещание неожиданно превращается в катастрофу. Это тем более странно, что никакой катастрофы никто, в общем, не ждет. Все готовы к рутинному мероприятию, где после соответствующих бюрократических процедур, будут подведены предварительные итоги. Оно и начинается как рутинное. Дурдомер произносит несколько мутных фраз, из которых следует, что ситуация складывается не слишком

благоприятная, уже поступило множество жалоб от горожан, губернатор высказался в том духе, что следует взять это дело под особый контроль, мы больше не можем допустить сбоев в работе метро, от нас ждут ответственных и быстрых решений. Ольга записывает его выступление на диктофон. Далее оно будет распечатано, откорректировано, вновь распечатано, подшито в соответствующий отчет и в случае каких-либо осложнений Дурдомер прикроется им как щитом. Типичная реакция бюрократа: чем больше подобных бумаг, тем спокойнее жить.

Затем как эксперт минут десять нудит Морковец. Собственно, повторяет он то, что Кирик уже слышал от него утром по телефону. Изоляция кабеля скорее всего разгрызена муравьями, мономориум фараонис, правда, можно предположить, что на этой морфо-генетической базе возник новый подвид. Причем вряд ли пластмассовая оплетка используется им как пища, более вероятно, что она идет на построение гнезд. Хотя и первое, как подчеркивает Морковец, не исключено. Для окончательных выводов здесь требуются дополнительные исследования. Во всяком случае, ясно одно: учитывая способность мономориум фараонис к быстрому размножению, то есть к неограниченной в данной экосистеме пролиферации гнезд, меры по ликвидации его репродуктивных зон следует принимать немедленно.

Все это Морковец излагает, как принято: округлыми, длинными фразами, средне-бюрократическим, неудобовос-

принимаемым языком. Именно так и должен выступать серьезный эксперт. Вместе с тем Кирик чувствует в его голосе какую-то нервность, какую-то эмоциональную напряженность, которую, вероятно, не ощущает никто, кроме него. Точно Морковец хотел бы сказать больше, чем говорит, но не решается в силу неких непонятных причин.

Впрочем, возможно, что Кирику это только кажется. Разговор после данного выступления переходит в сферу практических действий. Вспыхивает даже небольшая дискуссия. Представитель санитарно-эпидемического надзора сообщает, что они готовы этой же ночью провести тотальную дезинфекцию очагов, но тогда оба зараженных участка придется по крайней мере на сутки закрыть: ПДК (предельно допустимая концентрация ядовитых веществ) там будет в несколько раз выше нормы. Против этого яростно возражают представители метрополитена. Да вы представляете, что будет, если закрыть эти шесть станций? Транспортный коллапс в двух спальных районах!.. Вообразите себе!.. Нам никто этого не разрешит!.. Да, но нам также никто не позволит подвергать опасности здоровье людей!.. В конце концов договариваются о том, что с шести утра, когда пойдут первые поезда, на всех станциях, подвергшихся обработке, каждый час будут производиться замеры воздуха на наличие опасных веществ, и если ПДК будет где-то превышена, станции закроют на экстренное проветривание. Дискуссия после этого выдыхается. Все понимают, что множество темпераментных фраз было

произнесено исключительно для протокола. Просто еще одна бумага с печатями на бюрократический щит.

И вот тут Морковец берет слово во второй раз. Тем же скучным канцеляритом, сквозь который, однако, чувствует-ся эмоциональный накал, он извещает присутствующих, что частичная дезинфекция в борьбе с мономориум фараонис бессмысленна.

- Вы уничтожите только рабочих особей, потеря которых для популяции невелика, но гнезда, спрятанные в щелях, под обшивкой, под бетоном, ближе к земле, останутся невредимыми. Через неделю численность муравейника восстановится. Более того, - с напором говорит Морковец, - поскольку второй очаг находится на значительном расстоянии от первого, и не просто на расстоянии, а вообще на другой ветке метро – прямой связи между этими станциями нет – то следует сделать вывод, что инфицирован весь подвижной состав, во всяком случае, значительная его часть, и поезда сейчас растаскивают репродукционный материал по всем линиям метрополитена. Это не локальное, а тотальное заражение, и меры следует принимать учитывая его масштаб.

Морковец взмахивает авторучкой. Раздается щелчок, с которым стержень заскакивает внутрь корпуса. Это вообще единственный звук в кабинете. Все застывает, как будто время обращается в прозрачную густую смолу.

А затем головы поворачиваются к Дурдомеру. Тот открывает рот и начинает медленно багроветь.

- Вы это что?..

Кажется, что сейчас последует взрыв.

Кирик в ожидании замирает.

И в этот момент раздается мурлыкающий телефонный звонок...

Материала от Морковца приходят около десяти вечера. К тому времени у Кирика уже перестает гудеть голова от крика, который поднялся, когда побагровевший Дурдомер, положив телефонную трубку, загробным голосом сообщил, что отключилась еще одна станция, причем неподалеку от большого пересадочного узла, и что сам этот узел пришлось частично остановить. Хаос, который воцаряется после этого, длится более двух часов. Дурдомер бухает кулаком по столу и гремит, что все виновные будут привлечены к уголовной ответственности. Представители метрополитена кричат, что это промах санэпиднадзора, который халатно осуществляет контроль. Санэпиднадзор в свою очередь вопиет, что они регулярно, по утвержденному графику проводят все дезинфекционные мероприятия, а вот службы метрополитена не видят даже того, что лезет им в нос. Ситуация обостряется еще и тем, что уже две местных радиостанции передали материалы о транспортных пертурбациях, грозящих парализовать Петербург, а одна из них даже успела сделать развернутый репортаж с площади перед метро, где скопилась многотысячная толпа: «Наземный транспорт тоже стоит... Люди

после работы не могут попасть домой...» Звонит губернатор и спрашивает, что происходит. Дурдомер, сбавив тон, заверяет его, что все под контролем. А потом, как гиппопотам, ревет на Кирика: почему не разослана в прессу упреждающая и разъясняющая информация? Чем вы тут занимаетесь? Ведь черт-те что будут о нас писать!..

- Вам понятно? Действуйте согласно приказа!

Масла в огонь подливает предложение Морковца – закрыть метро полностью и провести общую дезинсекцию, которая, по его мнению, должна продолжаться не менее пяти дней. Тут градус эмоций выскакивает в запредельный диапазон. Даже Васьваныч начинает недоуменно крутить головой.

Однако дальнейших перипетий Кирик уже не видит. Он уходит к себе и – согласно приказа – пишет упреждающую и разъясняющую информацию. Работа эта не слишком простая, поскольку стандартными успокоительными формулировками в данном случае не обойтись. В каждой рассылке должна быть какая-то, хоть крохотная изюминка, иначе канцелярит будет торчать, как гвоздь из доски. Правда, попробуй эту изюминку сочинить! Он выжимает из своих прелых мозгов все, что может, но когда приезжает домой и, наскоро перекусив, лезет в городской интернет, то видит, что оправдываются его худшие предположения. Нынешний инцидент уже назван «самым крупным транспортным сбоем в истории города». Мелькают такие определения как «катастрофа», «тотальный коллапс», «апокалипсис из-под зем-

ли». Сильное впечатление производят картинки с той самой площади возле пересадочного узла: действительно многотысячная толпа, из которой, как из грязевого потока, торчат крыши двух застрявших автобусов. Уже просочилась в прессу информация о муравьях и некий мелкий канал уже разместил интервью с очевидцем – тот темпераментно повествует, как жуткие ядовитые твари, истекающие слюной, преследовали поезд, на котором он ехал. Интересно, как «очевидец» мог их узреть: заднего обзора в вагонах метро нет. Хотя кого это волнует? Кирик не сомневается, что завтра появятся репортажи о гигантских пауках-людоедах, скрывающихся в туннелях, и о крысах-мутантах – эту легенду вообще никакими силами не истребить. Здесь же мелькает и коротенькая беседа с Дурдомером: тот, разжимая челюсти, как тиски, говорит, что все необходимые меры приняты, нормальная работа транспорта в самое ближайшее время будет возобновлена. Кирик морщится. Лучше бы он в телевизор не лез.

А материалы от Морковца производят странное впечатление. Уже в самом начале Морковец, видимо, чтобы не возникло недоразумений, предупреждает: это не официальная экспертиза, это его личные размышления, которые брезжили уже довольно давно, но сегодня, на резонансе последних событий внезапно сложились в определенный сюжет. В комиссию я этого посылать не буду, поясняет во вступлении Морковец, но мне хочется, чтобы вы оценили факты – просто как здравомыслящий человек. И далее Морковец высказы-

вает первый тезис: в последнее время участились вспышки взрывного размножения насекомых, наблюдаемые по всему миру. В подтверждение этого он приводит множество эпизодов, их перечисление в строчку занимает пять или шесть страниц. В Бразилии термиты проели опоры административного здания... В Аргентине те же термиты разгрызли опоры моста... Инцидент с муравьями в сабвее Лондона... Нападение диких ос на авиалайнер в Калифорнии (США)... Такое же нападение ос на авиалайнер в Пулковском аэропорту (Петербург)... Колонны огненных муравьев, сжирающие все на своем пути (Парагвай)... К этому тезису Морковец добавляет второй: в конце двадцатого – начале двадцать первого века, согласно данным, опубликованным ВОЗ, участились вспышки экзотических эпидемий: «коровье бешенство», «птичий грипп», «геморрагическая лихорадка Эбола», «лихорадка Марбурга», «хантавирусный легочный синдром», тот же СПИД, «атипичная пневмония»... Всемирная организация здравоохранения полагает, что возникло около сорока новых болезней, могущих быть не менее опасными, чем чума. Одновременно появились мутантные формы уже известных заболеваний: холеры, лихорадки денге, туберкулеза и малярии – существующие методы лечения их оказываются неэффективными...

И наконец Морковец формулирует свою главную мысль. В животном мире эпидемии являются регуляторами баланса: если численность какого-либо вида стремительно возраста-

ет, эпизоотии быстро возвращают его к экологической норме. Между тем в координатах природы вид хомо сапиенс (человек) обладает совершенно гипертрофированной, чрезмерной численностью. Он заполонил собой практически все – всю сушу, все моря, все ниши, все климатические пояса. Давление человека на природу огромное и естественно, что природа пытается «сжать» этот вид имеющимися в ее распоряжении средствами. Например, с помощью эпидемий. Но поскольку современная медицина сумела выстроить против них мощный барьер, который простым эпидемиологическим натиском не пробить, то включился дополнительный механизм: напор соприкасающихся с человеком видов. Работает он по типу «волки и зайцы»: чем больше «зайцев», тем, соответственно, больше «волков». Чем больше антропогенное давление на природу, тем более сокрушительные удары она будет наносить в ответ. В этом смысле нынешний «формационный прорыв» нельзя рассматривать только как локальное, чисто местное извержение – нет, в действительности открыт новый фронт и наступление на самых уязвимых участках его уже началось.

В заключение Морковец извиняется за некоторую сумбурность письма. У него не было времени, чтобы по-настоящему проработать данный концепт. Это даже не черновик, это набросок черновика. Однако он постарается придать ему надлежащую форму недели через две – через три.

Кирик по прочтении несколько раздражен. На кой черт нужны эти научные глоссолалии? Какой в них практический смысл? Перед ними стоит конкретная прикладная задача – купировать инцидент, наладить бесперебойную работу метро. У них своя маленькая война. Чем данный «концепт» может им в этом помочь?

Вместе с тем он чувствует в сердце неприятную дрожь. Мир, казавшийся монолитом, вдруг начинает оседать, как глина после дождя. Размягчается под ногами почва. Мириады странных существ, копошащихся в недрах земли, на которых он раньше внимания не обращал, поднимают головы и поводят усиками, выискивая врага. Кирик ощущает их ненависть, напрягающую хитиновые тела.

Конечно, все это ерунда. Нагрузки и эмоциональное напряжение последних двух дней. Реакция организма на стресс. Надо съесть что-нибудь сладкое и спокойно лечь спать. Уже первый час ночи. Кирик проходит на кухню. Света не зажигает – под окнами, со двора, горит яркий фонарь. В его расплывчатом круге, выхватывающем асфальт, сидит собака, похожая на овчарку, и очень внимательно, подняв острую морду, смотрит в окно. Только это не овчарка, а волк. Кирик никогда в натуре не видел волков, но он каким-то тринадцатым чувством догадывается, что это именно волк.

Откуда здесь волк?

Он вздрагивает: кто-то легко касается его со спины. Оборачивается – Хала в халате, теплая, безмятежная, сонная,

манит его рукой.

- Фу, как ты меня напугала...

- Не смотри на него, - шепчет Хала. – Отойди немного. Не надо на него смотреть.

- Это почему? – глуповато спрашивает Кирик.

- Он тебя запомнит. Ни к чему, чтобы он тебя запомнил... И вообще, это – ко мне.

Она оттягивает Кирика от окна, распахивает обе створки и впускает в кухню теплый осенний воздух. Это второй этаж, не слишком высокий – кажется, что напрягшийся волк сейчас прыгнет внутрь. Прыжка, однако, не следует. Человек и зверь, целую минуту наверное, смотрят друг другу в глаза. Словно между ними идет не слышимый никому диалог. А затем волк встряхивается, быстро облизывает пасть, вспыхнувшую оскалом зубов, и как-то боком, бесшумно соскальзывает в тень подворотни.

Миг – и его уже нет.

- Что ты ему сказала? – спрашивает Кирик.

- Я сказала, чтобы он уходил. Нечего ему здесь делать. – Хала чуть заметно зевает, трет кулаками глаза. - Ну все, я пошла спать...

Кирик еще пару минут смотрит во двор.

Ничего интересного – серая асфальтовая пустота.

Он пьет из стакана воду и чувствует, как зубы его дробно постукивают о стекло.

Следующий день обрушивается на него почти сразу же. В семь утра его будит телефонным звонком Васьваныч и, тяжело вздыхая чуть ли не после каждого слова, сообщает, что ночная зачистка неожиданно обернулась трагедией. Против обыкновения его рассказ сух и короток. Пошли вчетвером: два сотрудника санэпидстанции, Тройчик и Недогляд, затем Морковец, который намеревался взять образцы, ну и сам Васьваныч как представитель комиссии, чтоб наблюдать за происходящим. Надели, разумеется, респираторы, а сотрудники санэпидстанции еще и рабочие пластиковые комбинезоны. Туннель прилегающий к станции продезинфицировали без проблем: муравьи там если и были, то куда-то исчезли как факт. Однако когда свернули в служебные помещения, то в подсобке, в дальнем углу, увидели кучу мелко-го мусора. Небольшая такая куча, в высоту сантиметров на пятьдесят. Морковец обрадовался, сказал, что это, вероятно, и есть муравейник, попросил подождать пару минут, присел перед ним, извлек свои научные склянки... Главное – все как-то очень быстро произошло... Никто не успел ничего толком сообразить... Кажется, он попробовал разрыхлить эту кучу... И вдруг отовсюду, будто прорвало, хлынули целые ручьи муравьев... Из самого муравейника, из щелей в стенах, из щелей в полу, из трещинок на потолке... И Морковец вдруг как подпрыгнет, как повалится на бок, как закричит диким голосом... Смотрю – он уже ворочается на спине и хрипит... Ну, вытащили его на платформу, вызвали

«скорою»... А у него все лицо вспухло, как тесто, и затекло, глаз не может открыть... Дышит словно в горле у него – тугой ком... В общем, даже до больницы не довезли... Врачи сказали: тяжелый анафилактический шок... Уже минут через десять ничего сделать было нельзя...

Кирик ошеломлен. Вот так: вчера был человек, сегодня – нет человека. Страница жизни перезагружена, но в обновленной ее версии уже не присутствует Морковец. А ведь именно Кирик его и привлек.

- Ты сам сейчас где?

Васьваныч, вероятно, тоже ощущает свою вину, поскольку, как бы оправдываясь, сообщает, что он тоже пока в больнице: отекли ноги, правая рука – до плеча. Знаешь, как они, черти, кусают – будто тычут раскаленной иглой.

- Но у меня – ерунда. Уже хожу. Сказали, что часа через три отпустят домой...

А буквально впритык к Васьванычу звонит Ольга, дурдомерский секретарь, и доводит до сведения, что в связи с чрезвычайными обстоятельствами создается особый межведомственный комитет, который будет координировать необходимые мероприятия. Заседание комитета – сегодня в десять утра. Явка обязательна, не опаздывать, захватить с собой все имеющиеся материалы.

И сразу – отбой.

В комнату заглядывает Вероника. Она слегка растрепанная со сна.

- Что-нибудь случилось? Ты на работу идешь? Алё, ты меня слышишь, Киричек?.. Здравствуй, говорю... Что с тобой? Голос ее доносится как-то издалека.

И до самой Вероники, если попытаться дойти – тысяча верст.

Тысяча верст, две тысячи лет, три тысячи жизней, истраченных ни на что.

Нет, ему не дойти.

- Ты меня слышишь?

Кирик прикрывает глаза.

- У меня анафилактический шок, - отвечает он.

Петер несколько не изменился. Можно даже сказать, что за те три года, что они не виделись, он немного помолодел. Но одновременно и посерьезнел, как будто прибавив административного веса внутри. Понятно, что это такой имидж, необходимый чиновнику, причастному к правительственным кругам: энергия молодости и ответственность зрелого возраста, стандартный визажистский коктейль.

Он сразу же предупреждает Кирика, что у него всего сорок минут. В одиннадцать начинается пленарное заседание, где ему выступать, а до этого состоится молебен об импортозамещении: сам понимаешь, такую важную акцию я пропустить не могу. Ирония в его голосе практически незаметна и, вероятно, услышать ее способен лишь тот, кто знает его много лет. Впрочем, демонстрируя, что он действительно

нисколько не изменился, Петер рассказывает историю, как недавно по разным мелким делам летал в Якутск и присутствовал там на громадном языческом празднике: собралось на ритуальной поляне тысяч семьдесят человек. А в Якутии очень важно, к какому роду ты принадлежишь. У каждого рода на поляне своя делянка, свой родовой тотем и, соответственно, свой шаман. Вся поляна расчерчена по секторам. Так вот, оказывается, теперь там есть своя делянка и у «Газпрома». Представь себе такой натюрморт: вкопан столб, на нем лейбл «Газпрома», перед этим столбом, весь в ленточках, пляшет и бьет в бубен шаман, а менеджеры «Газпрома» стоят – при галстуках, руки по швам – внимают голосу Великого Духа...

Он коротко хохотнул.

- Ладно, это я к слову. Так что у вас тут стряслось?

Слушает он с искренним интересом. А когда Кирик завершает свою довольно-таки бессвязную речь, где намешано все – и Дурдомер, и нашествие муравьев, и технические сбои в метро, и смерть Морковца – секунд двадцать молчит, видимо структурируя содержание, а потом замечает, что это очень ценная информация.

- Нет-нет, в самом деле, хорошо, что сказал. Между нами, - он делает указательным пальцем жест, как бы объединяющий их с Кириком с некий тайный союз, - *есть мнение* и, разумеется, не у меня, что вашего Дурдомера пора бы слегка приподнять. Ценный кадр, с опытом управления, такие в

Москве нужны. К новому году этот вопрос должны были *решить*. Но теперь, конечно, ситуация складывается иная. С таким грузом как расследование по факту гибели человека, а подобное дело, несомненно, будет возбуждено, ему просто не всплыть. А что это значит? – спрашивает Петер. И отвечает, собирая натруженные морщинки у глаз. – Это значит, что освобождается перспективное место. Главное, что пока – никто, ничего... – Он оценивающе смотрит на Кирика. – Хорошо бы, конечно, тебя туда посадить, но, к сожалению, рановато: через две ступеньки прыгнешь. Да и не приживешься ты там...

Он задумывается – вероятно, над веером перспектив. Снова щурится, слегка барабанит пальцами по столу.

- Ты вообще понял, о чем я тебе говорил? – раздраженно спрашивает Кирик.

Петер возвращается с административных небес. Поднимает за угол распечатку, которую ему Кирик принес, и сразу же становится очевидной убогость машинописных листочков.

- Ах ты об этом?..

И далее сочувственно объясняет, что так дела вообще не делаются. Ты что думаешь, я этой вот фиговинкой потрясу, и все тут же забегают, как ошпаренные? Ты плохо понимаешь, какие *там* сейчас интересы. Вот если бы это было исследование минимум на триста страниц – с цифрами, с графиками, с таблицами, со списком литературы, если бы была

на нем шапка какого-нибудь солидного института, если бы к нему был приложен синопсис, подписанный двумя-тремя академиками, тогда на это не то чтобы внимание обратили, это еще не факт, но хотя бы посмотрели в ту сторону. А кто этот твой Морковец? Извини за выражение, кандидат наук.

- Ты на секунду представь, что все это правда...

- Ну, Сережа, честное слово, наивный вопрос. Мы живем в доме, где полностью изношен водопровод, где еле держатся отопление и канализация, где электропроводка то и дело искрит, а в стенах каждый год образуются мелкие трещины. Но владельца дома это ничуть не волнует, поскольку жильцы аккуратно вносят арендные платежи. И вообще сам он там не живет, у него – загородный особняк. Если прорвет трубу – поставят заплатку, если засвистит в щель сквозняк – быстренько зацементируют, если вдруг замыкание – ну, поменяют пять метров кабеля...

- А если рухнет сам дом?..

- Я же тебе объясняю: у владельца есть загородный особняк.

- Что же, ничего сделать нельзя?

- Почему нельзя? Выход имеется и, кстати, вполне очевидный.

- Какой? – спрашивает Кирик.

Петер снисходительно улыбается:

- Построй свой особняк. Что ты на меня смотришь? А ты – построй! И желательно подальше от того района, где может

произойти обвал...

Кирик не понимает, куда он попал. Дом на другой стороне улицы обвалился, на высоте третьего этажа обнажены внутренности квартир: сиреневые обои, накренившийся, с распахнутыми дверцами шкаф, одеяло, свисающее наружу, как траурный флаг. Обломки перегораживают проезжую часть. Другие дома несколько не лучше: большинство стекол выбито, за ними – мертвая темнота, осыпалась штукатурка, видны щербатые кирпичи, а из обломков, как безглазые черепа, торчат ржавые остовы машин.

Впрочем, разглядеть это все он толком не успевает. Раздается шипение, будто пробило газовую трубу, и на бетонной плите, треснутой, скошенной вбок, перебирая ножками, появляются два таракана. Если только их можно назвать тараканами. Оба – размером с болонку, у обоих – усики, наверное, в полметра длиной.

- Стой!.. Замри!.. – раздается отчаянный крик.

И в ту же секунду, почти сливаясь в единый звук, грохочут два выстрела. Тараканов, будто метлой, сбрасывает с плиты. А один из них – Кирик успевает заметить – взрывается рыжими клочьями.

- Кто такой? Из какого района? Что ты тут бродишь? С ума сошел?!

Возникает парень лет двадцати пяти, в пятнистом комбинезоне, в руке – пистолет.

Кирик ошалело бормочет:

- Я... вот... случайно... Запутался тут...

- Так ты, наверное, на конференцию представителей? Из Второго адмиралтейского, или что? То-то, вижу, вырядился, как в театр. Ну, у вас там, конечно, не жизнь, а курорт. Что ж тебя никто из местных не проводил? А если б – патруль? А если б решили ребята, что ты мародер? Легкомысленно, легкомысленно, гражданин! Ладно, пошли...

Он влечет Кирика за собой. Метров через семьдесят останавливается у дверей, над которыми еще сохранилась полустертая надпись «кафе», прижимается к ней спиной, барабанит пальцами по стеклу:

- Открывайте!.. Это я, я, Сашок!..

Видимо, раньше здесь и в самом деле было кафе. Однако с тех пор помещение подверглось тотальной зачистке. Теперь тут – голые бетонные стены без каких-либо украшений, голый бетонный пол в нашлепках темной замазки на стыках. Присутствует стол с голубым пластиковым покрытием и мужчины, сгрудившиеся возле него, смотрят телевизор, из которого торчат рожки антенны.

- Ну что, какие новости, мужики?

Один из зрителей объясняет:

- Про Америку смотрим. Сообщают, что землеедки в Техасе прорвали санитарный кордон, проели, говорят, за ночь кучу подземных ходов. Никакое бетонирование не помогло. Сейчас они эвакуируют Даллас и создают новый кордон – от

Оклахомы до Луизианы...

- Ну все, хана Пиндостану! – весело объявляет Сашок. – С юга землеедки идут, с востока – термиты и жужелицы. В Вашингтоне – нашествие комаров, таких, что прокусывают пиджак. – Он подталкивает вперед Кирика. – Ничего, зато я вам вот привел – участника конференции...

Мужчины немедленно оборачиваются. Крайний поспешно отключает в телевизоре звук.

Спрашивать начинают все разом:

- Ну так что?.. О чем-нибудь конкретном договорились?.. Будем все-таки эвакуировать центр или нет?.. А если отходить в новостройки, то как зиму переживем?..

Кирик не знает, что отвечать. Он вообще напрочь не ориентируется в ситуации. Автоматически, имея опыт общения с гражданами, выдавливая из себя, что вопрос решено еще раз тщательно проработать: обсудить в местных организациях, выслушать все мнения, и тогда уже принимать окончательное решение.

Как ни странно, эта бюрократическая формулировка всех успокаивает. Сразу же начинается спор, куда лучше, если решение примут, эвакуироваться – в новостройки попытаться устроиться или сразу же перебираться подальше, в пригороды? А может, есть смысл создать вокруг города военно-сельскохозяйственные поселения, и уже оттуда весной – планомерно и медленно наступать на центр?..

Кирик в этой дискуссии не участвует. Он вдруг замеча-

ет на экране телевизора Халу. Она здесь старше, собраннее, серьезнее, в какой-то странной белой тунике, подпоясанной красным шнуром, волосы острижены, но это несомненно она. Губы ее шевелятся: звук в телевизоре по-прежнему отключен. Хала поднимает правую руку и становится видна мохнатая гусеница, которая ползет по запястью. Гусеница, изгибаясь, перебирается на ладонь, застывает, покрывается молочной кожистой оболочкой, затем оболочка лопаётся, и бабочка, выкарабкавшись наружу, начинает трепетать ярко-синими в желтых крапинках крыльями. Хала слегка подбрасывает ее – бабочка радостными зигзагами устремляется вверх.

- Да... Повезло вам с Сестрой, - говорит сзади Сашок. – Как она месяц назад остановила нашествие крыс! Ведь с тех пор ни одна зараза к вам не суется. – Он вздыхает. – Ладно, пойдем. Я тебя провожу...

Выходят они не на улицу, а через черный ход – в переулок. По дороге Сашок высказывается в том духе, что лично он считает отступление в новостройки ошибкой. Напротив, надо перебросить все силы обратно в центр, создать анклав, где будет установлен жесткий санитарный контроль, очистить эти участки и постепенно соединять их между собой. Тут ведь и водопровод частично работает, и даже транспорт, и электричество пока есть.

- Ты ведь сюда на метро, конечно, приехал?

- На метро... Только потом куда-то не туда повернул...

- Ну вот, сумели все-таки удержать эту ветку. Можем ведь, можем, скажи, когда захотим! А если все бросить, потом будет не восстановить...

За разговором он не забывает зорко оглядываться по сторонам, а один раз придерживает Кирика за собой и ждет пару минут, напряженно всматриваясь в ближайшую темноватую подворотню.

Пистолет – наготове.

К счастью, обходится без стрельбы.

У пролома в стене, где неожиданно вырастают двое – с автоматами, в комбинезонах – он машет рукой:

- Свои! Свои!.. – объясняет. – Это делегат от района... – И на прощание хлопает Кирика по спине. – Ну что? Еще увидимся, может быть. Эх, была у нас жизнь когда-то – прошла...

Кирик опять шагает на эскалатор. Ему странно видеть ступени, полные пассажиров, бегущие вниз. И такие же загруженные людьми ступени, всплывающие наверх. Будто некий вращающийся механизм перемешивает человеческую крупяную массу. Он старается не думать о том, что произошло. О том, как, выскочив после встречи с Петером из кафе, он свернул за угол и оказался в какой-то иной реальности. И о том, как, шагнув через кирпичный пролом в стене, он вдруг, будто упав с Луны, возвратился в свой мир. Не думать об этом, не думать. Чем меньше сцепление с жизнью,

тем лучше. Тем не менее он вспоминает, как в пятом классе Хала принесла откуда-то белую мышь и та, словно загипнотизированная, выполняла все ее приказания: поворачивала направо, налево, описывала круги, сама, повинувшись движению пальца, возвращалась к Хале в карман. А во время урока вскарабкалась на учительский стол – визг был такой, что директор школы ворвался в класс, размахивая полицейской дубинкой.

Он размышляет об этом в вагоне метро, держась за поручень, притиснутый к дверям пассажирами. Если это действительно будущее, думает он, то в таком будущем шансы у Халы, разумеется, есть. Там ей не страшен будет звериный рык. Мы все вымерем, как трилобиты, а она и подобные ей унаследуют этот мир. На обломках его создадут что-то свое. Хотя когда еще это будет? И неизвестно, будет ли вообще: быть может, распадется как неосязаемая иллюзия?

Он чувствует, что возвращается в привычную жизнь. Его уже удивляет, что эта ветка метро работает как ни в чем не бывало. Еще на перроне он посмотрел в интернете последние новости и убедился, что никаких извещений о закрытии станций там нет. Наверное, опять протянули временный кабель. Сколько он продержится – сутки, двое, неделю, пару часов? Краем глаза Кирик видит отрешенные лица соседей. Вагон несется во мраке, рождая после себя взвихрения мертвого воздуха. Я знаю тайну, вяло думает Кирик. Я знаю невозможную тайну, которой не знает больше ни один чело-

век. Мир скоро погибнет, по крайней мере, привычный нам мир, и мало кто выживет под его катастрофическими обломками. Ну и что мне с этой тайной прикажете делать? Кричать об этом на улицах? Кричать об этом в вагоне метро? Очередной свихнувшийся идиот, которого сразу же заберет полиция.

И, между прочим, я подъезжаю.

Кирик начинает примериваться, как бы ему протиснуться к противоположным дверям, и в этот момент лампы в вагоне неожиданно гаснут. Впрочем, они тут же загораются вновь, но – уже тусклым, почти неразличимым накалом аварийного освещения. Вагон тормозит так резко, что пассажиров прессует. Кто-то вскрикивает, кто ругается, кто-то недовольно бурчит, что он – подразумевается машинист – все-таки не картошку везет.

Еще никто ни о чем не догадывается.

А затем лампы гаснут совсем. Брезжит лишь слабенькое свечение из туннеля, позволяющее различать контуры отдельных фигур.

Ну вот, можно не кричать, думает Кирик. Зачем кричать, если и так понятно, что спасения нет. Это анафилактический шок, думает он. Один укус и мы начинаем задыхаться, как под водой.

Оказывается, не когда-нибудь, а сейчас.

Оказывается, не где-нибудь, а именно здесь.

Вместе со светом умирают и звуки. Все в вагоне молчат,

словно ждут, что вот-вот рухнет земляной, забетонированный многотонный свод. И в этой тишине слышится нарастающий шорох – будто ветер переворачивает и влечет по туннелю жесть осенней листвы.

Кирик, однако, знает, что это не высохшая листва.

Знает, что свет в вагоне не загорится уже никогда.

Шуршат тысячи хитиновых ног.

Это идут муравьи.

ВИД С ХОЛМА

В последнее время приобрели необыкновенную популярность книги, написанные в жанре альтернативной истории. Сюжет их построен по принципу «что было бы, если?..». Что было бы, если бы Германия выиграла Вторую мировую войну? Что было бы, если бы Наполеон победил в битве при Ватерлоо? Каким стал бы мир в случае военного столкновения США и СССР?.. Большинство этих книг не выдерживает никакой критики. Созданные на заведомо ремесленном уровне, они лишь удовлетворяют внезапный рыночный спрос, прихотливый и неожиданный. Однако в этом мутном потоке встречаются и несомненные достижения, показывающие, что даже искусственный жанр не может служить препятствием для таланта. Серьезный читатель мог бы обратить внимание на роман «Павана», принадлежащий перу Кита Робертса, где «Непобедимая Армада», флот, высланный к берегам

Англии испанским королем Филиппом II, все-таки сокрушает своего грозного конкурента, в результате чего Католический мир сохраняет владычество над Европой; или на «Человека в высоком замке» Филипа Дика: Япония после победы в Перл-Харборе оккупирует Соединенные Штаты, формируя удивительный сплав западной и восточной культур. А если обратиться к современной российской литературе, то здесь, несомненно, выделяются «Иное небо» Андрея Лазарчука и многотомная эпопея «Времена негодяев», которую с необыкновенным упорством пишет Эдуард Геворкян. В первом романе немцы выигрывают военную кампанию на Востоке, образуется Третий Рейх в составе Германии и России, а во втором, являющемся пока тетралогией, та же Россия, пережив катастрофу, возрождается через магическое Средневековье.

Чем вызван этот неожиданный интерес к «теневым реальностям»? Чем вызвана тяга к неосуществленным, сугубо условным версиям исторического бытия? Возможно, наш нынешний мир стал слишком спокойным? Возможно, нам требуются пряные экзотические приправы, чтобы ощутить на губах вкус жизни? Быть может, прав был Фаддей Булгарин, прозаик XIX столетия, автор первого в российской литературе бестселлера: «Приятно, знаешь ли, братец, сидеть у камина и читать о чужих несчастьях»? А может быть, дело обстоит гораздо серьезнее. Начал развеиваться флер, окутывающий настоящее. Заколебались какие-то мировые стру-

ны, свидетельствуя о надвигающихся потрясениях. Что-то подобное уже сквозит из будущего. И появление «альтернативок» – лишь первый признак того, что существующая реальность не слишком устойчива.

Так или иначе, но книга «Анклав Россия», выпущенная недавно петербургским издательством «Мидгард», заметно отличается от произведений такого рода. И прежде всего – своеобразным конструированием реальности. Если в стандартных альтернативных историях авторы обычно не затрудняют себя излишком воображения: всегда можно с точностью указать некую отправную точку, некий фантастический поворот, некий момент, откуда события начали развиваться иначе (смерть Юлия Цезаря во младенчестве, победа гуннов Аттилы в сражении на Каталаунских полях, успех восстания декабристов в России), по крайней мере, понятно, почему история двинулась по другому пути, то здесь такой точки назвать нельзя. Реальность романа вырастает из нашего прошлого совершенно естественно. То есть, конечно, после определенных усилий, которые, кстати, еще требуется предпринять, из мелких деталей, разбросанных по многослойному тексту, можно в конце концов догадаться, что в мире автора несколько раньше сместили с поста премьера Егора Гайдара. Зачинатель российских реформ продержался в правительстве не четыре года, осуществив необходимые преобразования, как это было у нас, а лишь несколько месяцев, практически ничего не успев сделать. На сме-

ну ему под давлением коммунистов, называвших себя «патриотами-государственниками» и составлявших тогда парламентское большинство, пришел некий В. Челобитьев, ранее занимавший должность министра топлива и энергетики. Реформы были отброшены – жизнь громадной страны начала разворачиваться совсем в ином направлении. Во всяком случае, так можно понять по прочтении книги.

Скажем прямо: доверия такое историческое допущение не вызывает. С чего это государственники-патриоты, то есть люди, декларирующие, что для них превыше всего интересы страны, двинули ее прямо в пропасть? С какой стати они погрузили ее в состояние хаоса и полураспада? Заметим, правда, что автор книги достаточно убедительно мотивирует это убийственное решение, однако к мотивировкам его мы вернемся чуть позже, а пока давайте посмотрим, чем, собственно, отличается мир «Анклава», от нашей реальности.

Картина, опять-таки скажем прямо, возникает нерадостная. В марте 1992 года, когда наметились первые признаки стабилизации, неожиданно, под давлением Верховного Совета России (как тогда назывался парламент) дрогнул вроде бы до того негибимый президент страны – ему грозил реальный импичмент. В результате Гайдар, формально сохранив свой пост, от руководства экономикой был отстранен, в правительство были введены сразу трое «красных директоров» (те же государственники-патриоты, только вид сбоку), главой Центробанка был назначен тоже патриот-госу-

дарственник, некто Обнищенко, и эта сплоченная группа с криком «надо спасти народ!» тут же начала выдавать предприятиям (в действительности – самим себе) неограниченные и ничем необеспеченные кредиты. Гайдар против такой безумной политики категорически протестовал, предупреждал, что экономика окончательно рухнет, в стране вспыхнет гиперинфляция, подал в отставку, которую президент все же не принял, но предотвратить катастрофу уже не мог: большинство в правительстве реформаторами было утрачено.

Прогноз их, тем не менее, осуществился в полном объеме: экономика страны окончательно развалилась, инфляция стала исчисляться уже тысячами процентов, начался криминальный передел государственной собственности, стрельба на улицах, бандитские «наезды» на предпринимателей, взрывы автомобилей... Автор не скупится на краски, нагнетая зловещую атмосферу тех дней. Тут и рост профашистских организаций, совершающих убийства на национальной почве, и непрерывные террористические акты, осуществляемые чеченскими боевиками, и потоки беженцев из бывших «братских республик», и чудовищная коррупция, мгновенно пронизавшая все уровни власти, и похищения людей, и колоссальные финансовые махинации, и беззащитность простых россиян перед волной насилия...

Особенно разыгрывается фантазия автора при обращении к конкретным политическим катаклизмам. Чего стоят, на-

пример, введенные им в сюжет так называемые «октябрьские события 1993 года», когда Верховный Совет России, не удовлетворившийся простой сменой правительства, все же обвинил президента в нарушении Конституции и объявил о смещении его со всех занимаемых должностей. Присягу в срочном порядке принял вице-президент, естественно, «государственник», Александр Лецкой, после чего колонны боевиков, вооруженных автоматами и железными прутьями, двинулись на штурм телебашни в Останкино. В ответ по приказу действующего президента на улицы Москвы вышли танки Таманской дивизии и с Васильевской набережной прямой наводкой расстреляли Дом Советов России, где заседали взбунтовавшиеся «слуги народа».

Проиграли и те, и другие. А мотивирующее объяснение автора книги заключается в том, что партийно-хозяйственная номенклатура, мощный костяк аппарата управления в СССР, свалив правительство реформаторов, рассчитывала обменять свою власть, уже ускользающую из рук, на реальную собственность. Однако, будучи целиком из прошлого, она явно переоценило свои возможности. И одновременно недооценила силу хаоса, который сама же и породила: из хтонических глубин народного бытия, из сумерек архаического подсознания всплыли такие монстры социального беспредела, такие акулы криминального бизнеса, которые мгновенно сожрали самих «красных директоров». Уцелели считанные единицы, хотя, заметим, что премьер Челобитьев все-таки

стал одним из первых реальных, то есть долларовых, российских миллиардеров.

Сам герой романа всего этого уже не застает. И, кстати, биография его представлена в сюжете не слишком подробно. Однако по отдельным деталям, даваемым большей частью ретроспективно, можно догадываться, что годы его детства приходятся как раз на эпоху Большого распила. А что детство? Детство – это семья и школа, весь мир за пределами их воспринимается как непреложная данность: он не хороший и не плохой, он такой как есть и ничем иным быть не может. Задумываться об особенностях социального бытия главный герой романа начинает гораздо позже. А пока он благополучно заканчивает факультет журналистики Московского государственного университета и благополучно устраивается на работу в одну из достаточно популярных бумажно-электронных газет. Карьера его развивается также вполне уверенно. После года стажерской рутины, исполненной беготни по всяким обременительным мелочам он, неожиданно даже для себя самого, пишет серию репортажей о крысах в московском метро, которые ныне превращаются в монстров, обладающих зачатками разума. Сейчас они властвуют в заброшенных темных туннелях, однако близок момент, когда неисчислимые полчища их поднимутся на поверхность. Серия

вызывает внезапный ажиотаж – десятки страниц в блоге газеты заполнены комментариями возбужденных читателей. Приводятся и свидетельства очевидцев, наблюдавших своими глазами, как хвостатые, оскаленные «крысopotамы» гонятся по рельсам за электропоездом. Масла в огонь подливает резкое, но невнятное опровержение от пресс-секретаря дирекции метрополитена, утверждающего, что это «бред воспаленных мозгов», которое еще больше убеждает читателей, что чиновники скрывают правду от горожан.

Не теряя времени, герой романа пишет следующие статьи – о загадочных фотографиях, на которых проступают предметы и призраки, видимо, из других измерений, это не фотешоп, первые снимки такого рода появились еще в начале двадцатого века. Он пишет о секретных переговорах, которые правительства США, Китая, России, каждое по отдельности, ведет с инопланетянами – те уже давно присутствуют среди нас, пишет о постановочном характере высадки американцев на поверхность Луны: все съемки были сделаны в павильонах и декорациях Голливуда, пишет о тайнах египетских пирамид, о Бермудском треугольнике, где бесследно исчезают суда, о странных закономерностях, которым подчиняются крупные техногенные катастрофы.

Где здесь вымысел, где реальность? Где – забавы ума, где – подлинное предчувствие необычного? Этого он, вероятно, не знает и сам. Статьи, однако, вызывают множество откликов у читателей. Видимо, они отвечают на некий инстинк-

тивный запрос, имеющийся у россиян. К началу повествования главный герой романа – уже довольно известный, неплохо оплачиваемый журналист, а также весьма популярный блогер, уверенно чувствующий себя в мире прессы. Разумеется, он не звезда первой величины, но и не в третьем ряду, где лица авторов практически неразличимы.

И вместе с тем, несмотря на внешнее благополучие, его все больше и больше начинает грызть какая-то внутренняя неудовлетворенность. Популярный-то он популярный, но отчетливая «желтизна» его публикаций вызывает смешки и подколы со стороны коллег по профессии. Как там дела в астрале? – иронически спрашивают его при встречах. Чем еще в ближайшее время порадуют нас братья по разуму?.. Он и сам чувствует, что становится фигурой комической. А ведь ему уже тридцать четыре года, он уже был неудачно женат, жизнь приближается к той черте, за которой следует вторая ее половина. И что? Он так и будет отбивать чечетку на сцене, постепенно старея, грузнея, теряя аудиторию? Ведь уже, как поганки, прорастают вокруг энергичные молодые чечеточники?

В общем, у героя происходит мировоззренческий переворот. Он лихорадочно, наверстывая упущенное, начинает читать монографии и статьи по истории, экономике, социологии. Он до боли, до посинения десен стискивает зубы. Он впитывает необходимые знания, зазубривая концепции, факты и цифры. Ничего, он еще покажет им всем на что спо-

собен. Статьи его постепенно смещаются в область социальной тематики. Он пишет теперь не просто о неких загадочных аномалиях, но — на примере их — о тотальной конспирологии, пронизывающей ныне сознание большинства россиян: везде заговоры, везде угрозы, везде зловещие рептилоиды с планеты Нибиру, везде происки мировой закулисы, везде враги, везде отравленное коварством дыхание «пятой колонны». Он пишет о том, что это признак онтологического распада, свидетельство революционного фазового перехода между двумя большими историческими конформациями, такое уже не раз случалось в истории: мир перестал ясным, логичным, закономерным, он предстает ныне как набор непредсказуемых и опасных случайностей. Человек ощущает себя песчинкой в кипении времени и судорожно цепляется за обломки прежних «незыблемых» истин. Отсюда такая истеричная вера в идеологические постулаты официоза, а с другой стороны — отчаянное неверие ко всему, что этим постулатам противоречит.

Ну и так далее, и тому подобное.

Интересно, что эти его статьи тоже пользуются популярностью. Во всяком случае, накал страстей вокруг них ничуть не меньше, чем ранее. Есть, правда, и существенное различие. Главный редактор газеты, с которым они уже давно стали приятелями, теперь как-то ежится, читая его новые тексты, и безжалостно вычеркивает из них и отдельные фразы, и целые абзацы, которые самому герою кажутся наиболее со-

держательными.

- Накличешь на наши головы Роскомнадзор, - бурчит он, тыча авторучкой в экран.

Здесь необходимы некоторые пояснения. К началу двадцатых годов, согласно версии рецензируемого нами романа, ситуация в стране принципиально меняется. Уже более двадцати лет президентом страны является некто Виталий Батин, которого Ельцин фактически назначил своим преемником. Это очень сдержанный, молчаливый, еще достаточно молодой человек, юрист по образованию, в течение 16 лет служивший офицером внешней разведки Комитета государственной безопасности СССР (КГБ), ныне директор аналогичной службы России – пост, дающий незримую, но вполне реальную власть.

Первые годы его правления оказываются вполне успешными: подавлены сепаратистские движения на национальных окраинах, вытолкнуты за рубеж или приведены в повиновение олигархи, уже считавшие себя безраздельными хозяевами страны, постепенно начинают исполняться законы, дикий произвол криминала сменяется решениями судебных инстанций. Россия, казалось, агонизирующая, находящаяся на грани распада, вновь обретает внятную государственность.

Особенно показательными являются экономические успехи нового президента. Инфляция, бушевавшая в стране почти целое десятилетие, снижается до вполне приемле-

мых величин. Образуются крупные государственные корпорации, начинается уверенный экономический рост, а вместе с ним – и заметное повышение уровня жизни простых россиян. Россия выкарабкивается из безнадежности, разрухи и нищеты. Следует, однако, отметить, что это в значительной мере определено, пусть частичными, но все же реформами команды Гайдара, а кроме того именно в начале нового тысячелетия неожиданно подскакивают мировые цены на нефть, и Россию, являющуюся крупным ее экспортером, орошает золотой дождь нефтедолларов. И все-таки заслуг президента Батина в данный период отрицать нельзя: именно стабилизация государства позволила реализовать постперестро-ечный позитив. Ничего удивительного, что рейтинг президента взлетает в заоблачные высоты. А для россиян, помнящих о великой державе СССР, немаловажным обстоятельством является еще то, что голос России вновь начинает звучать на международной арене. И чем дальше – тем увереннее и громче, заставляя прислушиваться к нему других игроков. «Он поднял Россию с колен», - так непрерывно вещают средства массовой информации.

Кульминацией legislatures Виталия Батина становится присоединение Крыма. И что бы ни говорили об этом потом западные политики, но подавляющее большинство крымчан, раздраженных действительно русофобской, бездарной, националистической политикой Украины, совершенно искренне поддерживает объединение Крыма с Россией. А западные

аналитики, в том числе военные специалисты, хоть вполголоса, под сурдинку, но признают, что операция была осуществлена блистательно: в кратчайшие сроки, практически без жертв и в таком режиме, который исключал вмешательство третьих стран.

Тем более неожиданной, вплоть до настоящего шока, оказывается для российской власти протестная зима на рубеже 2011 – 2012 годов. Десятки и даже сотни тысяч людей в начале декабря выходят на улицы, протестуя против фальсификации выборов в Государственную Думу РФ, а чуть позже, в марте – уже против фальсификации выборов президента. Митинги вспыхивают в большинстве крупных городов России. Власть и в центре, и на местах в растерянности, число задержанных на подобных спонтанных акциях быстро растет. Особенный испуг у нее вызывает то, что в митингах в заметных количествах участвует молодежь. И все-таки подавить «Снежную революцию» кое-как удастся. Большинство россиян относятся к протестам с настороженностью.

Здесь играют роль два обстоятельства.

Во-первых, власти через подконтрольные СМИ удастся создать внятный миф о коварстве подкупленных Западом либералов, мечтающих разрушить страну. Они уже развалили Великую державу – Советский Союз, они уже ввергли Россию в хаос криминальных реформ, из которого страна еле-еле сумела выкарабкаться, а сейчас они, исполняя волю своих заокеанских хозяев, готовятся нанести нам новый

удар. Конечно, к реальности этот миф никакого отношения не имеет, но он прочно, как радиоактивная пыль, оседает в сознании россиян: нет-нет, хватит нам этих реформ, хватит потрясений, социальных качелей, сумбура, дайте пожить спокойно!

А во-вторых, россиян шокирует безумная политика Запада. Несмотря на все широковещательные заявления, сделанные еще в перестройку, что военный блок НАТО ни на шаг не продвинется на Восток, базы Североатлантического альянса быстро утверждаются в Венгрии, Польше и Чехии, затем – в странах Прибалтики, которые непосредственно граничат с Россией, а теперь туда же устремляется и Украина. Россияне искренне не понимают: как же так? Ведь собирались дружить, сотрудничать, вместе решать острые мировые проблемы. И вместо этого – что? Придвинули к нашим границам ракеты и танки. Ничего себе дружба, сотрудничество! Мы протянули им руку, а они пытаются ее откусить. Нет, прав, прав наш президент: Западу верить нельзя, он только и ждет, чтобы ослабить Россию, завладеть нашими сырьевыми богатствами.

И все же протесты – это тревожный звонок. Нервность российской власти подпитывает еще и то обстоятельство, что выдыхается сырьевая модель экономики, на которую с приходом В. Батина была сделана ставка: рост валового продукта непрерывно снижается и к концу 2014 года едва-едва дотягивает до жалких полутора или чуть больше процентов.

И это – при фантастических ценах на нефть. Страна явно вползает в застой, а на реформы, необходимые для ее оживления, власти не хватает ни квалификации, ни решительности. Главное – не хватает желания: зачем какие-то рискованные реформы, если ей, власти, и так хорошо. Так что на гражданский вызов она отвечает стандартно-привычными методами: демонстрации запрещаются, митинги разгоняются, активисты их арестовываются и отправляются в заключение, против лидеров оппозиции возбуждаются дела по уголовным статьям, наиболее яркий из них, создатель знаменитого «Фонда борьбы с коррупцией», выпустившего почти полторы сотни расследований о хищениях в российских верхах, впадает в кому после отравления неизвестным, но, как утверждают западные специалисты, «боевым отравляющим веществом», президент публично говорит о «национал-предателях, пытающихся расколоть наше общество», и обещает, что «они понесут ответственность», срочно принимается закон об иностранных агентах, то есть о лицах, которые, как считает российская власть, «находятся под иностранным влиянием», срочно создается особые части внутренних войск, «Росгвардия», - теперь 350 тысяч тренированных, вооруженных солдат будут противостоять всяким протестам.

Происходит тотальная зачистка политического пространства. В стране воцаряется атмосфера, в которой трудно дышать. Герой романа чувствует это чуть ли не ежедневно:

главный редактор безоговорочно заворачивает его материалы один за другим.

- Но – почему, почему?

- Да потому что я жить хочу!

Под «я» главный редактор, естественно, подразумевает газету.

Это понятно: уже закрыты популярная радиостанция и популярный телеканал, позволявшие себе критические высказывания. Уже наложены штрафы на ряд печатных и электронных изданий, которые еще не поняли, что в стране сменился идеологический вектор. Уже разосланы прессе самые строгие предупреждения. Все по закону: «за клевету», «за разжигание социальной розни». Есть теперь в Уголовном кодексе России и такие статьи.

- А о чем мне писать?

- О египетских пирамидах пиши!

Но писать о египетских пирамидах главный герой не хочет. Не для того он последние несколько лет, как бешеный, наработывал себе серьезную репутацию.

И ведь уже почти удалось.

Ему просто стыдно об этом писать.

Он мечется, он не знает, что ему делать. Он подумывает уволиться, но непонятно куда идти.

Везде – то же самое.

Мертвая, словно залитая купоросом, земля.

И вдруг в эту затхлую, удушающую атмосферу врывается

неожиданный фактор.

Сюжет романа фактически завязывается с того, что в баре Клуба московской прессы, куда герой по необходимости иногда заглядывает, чтобы в обстановке непринужденного трепа выяснить, нет ли каких-нибудь новостей, он, случайно подсаживаясь к одной из разогретых компаний, застаёт разговор о том, что журналистике за последние месяцы будто спилили зубы. Вроде бы и цензуры политической больше нет. Вроде бы и источники финансирования у крупных масс-медийных концернов разные. Вроде бы и должно как-то обозначать себя столкновение интересов. Все-таки не при советской власти живем. А посмотрите: за последнее время – ни одного по-настоящему острого материала. Ты можешь что-нибудь такое припомнить? Не можешь? Ну – вот!.. Словно люди, которые формируют медийный поток, сговорились сознательно приглушать информацию: изымать из нее наиболее драматические моменты, не затрагивать тем, могущих взбудоражить общественное сознание... Кто-то добавляет в ответ, что и некоторым ведущим обозревателям будто мозги промыли. Сегодня он один, завтра – совершенно другой. Сегодня яростно отрицает, приводит факты, требует изменений, завтра – словно не помнит, против чего выступал. Называются известные имена. Тут же, как по заказу, появляет-

ся один из таких «промытых»: не обращая ни на кого внимания, пристраивается за столик в углу. А ведь раньше бы сел вместе со всеми.

Сосед героя острит:

- Это после визита к Большому Брату...

Имеется в виду книга Оруэлла, известная, по-видимому, не только «у нас», но и «у них».

Словно разрывается пелена.

Главный герой ощущает, как по залу прокатывается темное дуновение.

Или ему это только кажется?

Однако в сердце – озноб.

Вот такой многозначительный сюжетный зачин. И, может быть, это осталось бы просто трепом, призрачным разговором, который как дым, как хмель рассеялся бы уже через пару часов, но иногда возникают в жизни удивительные мгновения: упало яблоко, стукнув по голове, прозвучало в тишине несколько странных нот – человек встрепенулся, прислушался, обомлел... Нечто подобное происходит и с главным героем. Будто некая искра проскакивает у него в глубине – потрескивая, замыкает контакты. Он неожиданно чувствует, что разговоры эти не просто так, что скрывается за ними некая чертовщинка, некие тени, призраки, шепчущиеся на неведомом языке.

Все окружающее вдруг отдаляется.

Вдруг начинает тихо звенеть воздух – вибрирует в нем

неведомая струна.

Короче, возвращаясь домой в неторопливом московском троллейбусе, стоя у светофора на перекрестке, срезая угол к своему переулку через бульвар, герой уже знает, что прикоснулся к чему-то значительному, обнаружил нечто такое, на что, видимо, стоит потратить время и силы. Ведь дело тут не только в удавке, которую затягивает на горле прессы российская власть. Даже в удавке, даже в петлей на шее можно дышать. Вспомним того же Фучика. В конце концов существует в России традиция эзопова языка.

Нет, за всем этим скрывается что-то еще.

Он весь дрожит. Он – словно ретривер, почуявший след в камышах. Его это вдохновляет. Он не догадывается пока, что есть в жизни тайны, к коим лучше не прикасаться, есть такие сферы нашего бытия, о коих лучше не подозревать. Даже не поворачиваться в ту сторону. Иначе рискуешь увидеть мир, в котором просто не захочется жить.

Не будем подробно рассказывать о его первых шагах. Этому посвящены четыре последующие главы романа. Написаны они в жанре классического детектива, и, надо признать, читаются с неослабевающим интересом. Это явная удача автора: сюжет ни на секунду не отпускает, атмосфера повествования непрерывно сгущается, напряжение возрастает до грозowych просверков над головой.

Уже поиски в интернете дают герою интересный материал. Выясняется, что данная тема активно и темпераментно

обсуждается на различных непрофессиональных форумах. И хотя ничего существенного, по крайней мере с точки зрения журналиста, обнаружить не удастся, у него тем не менее крепнет догадка, что это не просто досужая болтовня. Где-то и в самом деле есть подземный огонь, тление, вселяющее испуг запахом гари. А когда герой, составив предварительный список, пытается переговорить с людьми, которые, по его мнению, могут прояснить данный вопрос, подозрения его усиливаются еще больше.

Кстати, такой прием, характерный именно для классического детектива – персонаж, ведущий расследование, встречается со множеством самых разных людей, - эффективен тем, что позволяет создать социально-психологическую картину общества. И автор романа этим приемом умело пользуется. Перед нами проходит целая галерея лиц, по которым нетрудно диагностировать состояние «того мира». Чего стоит, например, образ некоего Федора Лодкина, депутата Государственной Думы от патриотических сил, у которого в доме нет ни одной вещи отечественного производства. Или образ Конст. Пасаденского (так он подписывает свои статьи), борца за права человека, считающего, что всех врагов демократии надо расстреливать без суда.

Тем не менее список удастся разделить на три категории. Во-первых, люди, которые ничего не знают и знать об этом ничего не хотят. Они занимаются только собственными делами и отторгают все, что может им помешать. Они, есте-

ственно, в большинстве. Во-вторых, люди, которые, вероятно, слышали о чем-то таком, но, как и первую категорию, их это абсолютно не интересует. Они тоже предпочитают заниматься собственными делами: извините, честное слово, не до того... И наконец, категория третья, вычислить которую удастся с большим трудом. Это люди, насколько можно судить, несомненно, осведомленные, посвященные в суть, возможно даже знающие о неких внутренних рычагах, но по каким-то причинам, скорее всего в силу именно этого знания, предпочитающие держать язык за зубами. Одни с первых же минут разговора, едва поняв, о чем идет речь, под разными предлогами прерывают беседу, другие, несколько позже, когда у героя уже образуется соответствующий ореол, просто отказываются с ним встречаться, сбрасывают телефонный звонок, не отвечают на смс, а кое-кто даже отчетливо намекает ему, что в это дело лучше не лезть. Не стоит, слишком рискованно. И это окончательно убеждает героя, что он идет верным путем.

Однако тут же становится очевидной и ограниченность его сил. Ведь несмотря на два месяца интенсивного поиска, кстати отвлекающего героя от основных профессиональных занятий, несмотря на множество встреч, откровений, бесед (распечатки их занимают уже целую папку), он фактически ничего нового не узнает. Да, тайна действительно существует. Да, по-видимому, она относится к того рода тайнам, которые охраняются с особым тщанием, имея соответствующую

щий служебный гриф. Однако совершенно не ясно, в чем эта тайна заключена и почему даже разговоры о ней вызывают у всех причастных такое сильное отторжение? Герой точно стоит перед закрытой дверью. Саму дверь он видит и даже различает слабые полосы света, пробивающиеся из щелей. Но дверь на замке, пройти невозможно, у него нет ключа, чтобы ее отпереть.

И все-таки его усилия не напрасны. Тот ореол, который возникает вокруг него в процессе расследования, шепотки, слухи, сплетни, мгновенно разлетающиеся по журналистской Москве, начинают играть свою роль. Темнота, окутывающая тайну, слегка развеивается. Однажды утром, проверяя электронную почту, герой обнаруживает, что кто-то переслал ему внушительный набор документов. Причем, как выясняется позже, посланы они были из интернет-кафе в новостройках, под псевдонимом, без каких-либо дополнительных реквизитов, и потому отправителя их установить затруднительно.

Сами же документы весьма любопытны. Оказывается, кто-то уже проводил аналогичные поиски прошлым году, но, в отличие от героя романа, сделал это более квалифицированно. Во всяком случае, версия, которая тут вырисовывается, хотя и выглядит фантастической, но позволяет перевести подозрения в нечто конкретное. Если выделить суть, то она выглядит так. Примерно месяцев пять назад к журналисту К., пишущему независимые политические обзоры,

явились ночью люди, представившиеся работниками спецслужб, что интересно – НКВД (народный комиссариат внутренних дел СССР, существовавший в тридцатых годах), объявили К., что он арестован, и, несмотря на решительные протесты, увезли его для допроса. То же самое произошло еще с несколькими обозревателями. Причем все подвергшиеся аресту отмечали ряд странных деталей. Во-первых, сотрудники органов, осуществлявшие задержание, были и в самом деле одеты в гимнастерки довоенного образца: даже знаки различий у них были малиновые, в петлицах. Во-вторых, сажали задержанных в классический «воронок» – черную, допотопного вида машину, как будто вынырнувшую из прошлого. И в-третьих, той же стилистике ретро соответствовал кабинет, куда их всех доставляли: на стене – портреты Сталина и Дзержинского, канцелярские стол и стулья – явно старомодного образца, лампа под колесом абажура – тоже как будто сошедшая с кинолент той эпохи. Задержанные словно проваливались на девять десятилетий назад. Характерно, что следователи, к которым подчиненные обращались со словами «товарищ», предъявляли, невзирая на лица, одно и то же стандартное обвинение в антисоветской деятельности. При этом использовались такие клише, как «враг народа», «диверсии», «саботаж», «участие в подрывной троцкистской контрреволюционной организации», «шпионаж в пользу иностранного государства». А когда задержанные пытались выразить возмущение подобными методами, к ним

применялось то, что на юридическом языке называется «мерами физического воздействия». Говоря проще, задержанных избивали, причем с жестокостью, от которой нынешняя эпоха уже отвыкла.

Далее события развивались по двум сценариям. Либо человек продолжал упорствовать, например требуя адвоката, ничего не подписывал, и тогда он исчезал навсегда, вероятно, отправленный по этапу в один из тамошних лагерей (правда, об этом сценарии мы можем только догадываться), либо он подтверждал все предъявленные ему обвинения, называл сообщников по «контрреволюционной организации» (в основном, конечно, друзей и приятелей), давал развернутую характеристику их антисоветских высказываний и деятельности». В этом случае ему приказывали скрепить признания подписью и отправляли в камеру, находящуюся в том же здании. А затем происходило самое удивительное. Аресты производились ночью, как можно вычислить, опираясь, правда, на очень противоречивые данные, в промежутке где-то между двумя и тремя часами, что соответствовало практике тех давних времен, допрос продолжался тоже около двух-трех часов, следовательно, в камеру задержанный попадал лишь под утро, и, как только проникали к нему первые лучи солнца, как только мрак заключения сменялся проблесками рассвета из узкой щели окна, вдруг оказывалось, что вместо камеры, которую фигурант, как правило, не мог описать, он пребывает в пустой квартире, никем,

естественно, не охраняемой, в заброшенном здании, поставленном, вероятно, в очередь на капитальный ремонт. Задержанный в конце концов выкарабкивался оттуда и с большими или меньшими трудностями добирался до дома. И если бы не ссадины и кровоподтеки на теле, если бы не воспоминания членов семьи о том, как его уводили, то все это можно было бы считать дурным сном. Кстати, по заявлениям некоторых потерпевших, сделанным, по-видимому, сгоряча, несколько раз предпринимались попытки установить места их заключения. Никаких результатов они, конечно, не дали. Были действительно выявлены по приметам пустые, иногда замусоренные бомжами, законсервированные дома, где ничего, подтверждающего показания, однако, не обнаружилось. Ни кабинетов, ни портретов на стенах, ни мебели, ни камер заключения, ни людей. Ничто не свидетельствовало об их тайном использовании. К тому же все рискнувшие подать заявление через какое-то время были взяты вторично – и сгинули, исчезли уже навсегда. Что, разумеется, было знаком к молчанию для остальных.

Что же касается официальной стороны дела, то несмотря на настойчивость родственников и коллег, обращавшихся в самые высокие следственные инстанции, ни полиция, ни оперативный розыск исчезнувших найти не смогли. Не было никаких зацепок, никаких ниточек, обещавших перспективную разработку. Наличествовал лишь один странный факт. Жена журналиста Д., пропавшего данным образом еще в са-

мом начале событий, месяца через три получила от него мятое, в грязноватом конверте нестандартного образца письмо, где большая часть текста была тщательно вымарана фиолетовыми чернилами. В сохранившихся же строках Д. сообщал, что он жив, здоров и просил прислать ему теплые вещи. Штемпель на конверте был смазан, в качестве обратного адреса стояли непонятные буквы и цифры. Сотрудник одной из правозащитных организаций предположил, что это может быть какой-то сталинский лагерь в районе Перми. Посылка, которую жена пропавшего Д. все же рискнула отправить, через две недели вернулась с пометкой, что подобного адреса не существует. Этот след тоже вел в никуда.

К документам была приложена сопроводительная записка, где указывалось, что главный герой может распорядиться данным материалом по своему усмотрению: напечатать его в любом виде, под любой фамилией, в любом издании. И короткое добавление: «Я очень надеюсь на вас».

Все.

Вместо подписи – грустный смайлик, из глаза которого синей каплей сползает слеза.

Вот на какое распустье он попадает. Положение непростое, трудно выбрать правильную дорогу. С одной стороны, имеется явно сенсационный материал: российские «эскадроны

смерти», которые уже несколько месяцев проводят скрытые санкции устрашения. Можно себе представить, какой – даже в нынешней «придавленной» ситуации – это вызовет общественный резонанс. Как вспыхнут те, над кем покачивается на тонком волосе такой же дамоклов меч. А с другой стороны, у него нет убедительных доказательств. Лишь – слухи, домыслы, разговоры, все – из вторых-третьих рук. Настоящую публикацию с такой фактурой не сделаешь. Это ведь не про крыс-мутантов живописать. К тому же наработанное за последние годы чутье подсказывает ему, что копать дальше и в самом деле опасно. Его ведь не случайно предупреждали. Это затаившийся динамит. Рвануть может так, что не останется ничего.

Герой пребывает в нерешительности. Надо ли ему ступить на это минное поле? Следует ли дразнить демонов, навевающих крыльями ночи беспросветную жуть? Не лучше ли обойти бездну по краю? В конце концов, где взять сказочный меч, чтобы повергнуть дракона?

Сомнения его столь сильны, что в течение двух недель после получения документов он никаких дальнейших шагов не предпринимает: бродит по вечерней Москве, болтает с приятелями, сидит допоздна в клубах, которые за последние годы расплодились в неимоверном количестве. Благо такая возможность у него имеется. Ему заказали серию репортажей о ночной жизни столицы. Это, на наш взгляд, очень удачный сюжетный ход. Поскольку чем более герой знакомит-

ся с этой стороной жизни, чем глубже погружается он в ту причудливую атмосферу, о которой раньше, как и большинство нормальных людей, представления не имел, тем очевиднее для него становится удручающая уродливость современности. Ночной облик столицы с «голубыми», «розовыми», «трансгендерными» и прочими заведениями, с умопомрачительными ценами в ресторанах, с фишками, небрежно сыпавшимися на сукно игорных столов, с полураздетыми кривляющимися девицами у микрофонов, со всевозможными шоу, где ряженные придурки веселят зрителей тупыми скабрёзностями, с яркой, как россыпи мухоморов, агрессивной рекламой, со скрежещущей музыкой, с караоке, с бесконечными трелями сотовых телефонов – вся эта навороченная среда, искусственная и реальная одновременно, гнусная слизь, ночные выделения, скапливающиеся в кишках мегаполиса, ничего, кроме отвращения, у него не вызывают. Неужели все это лучше, чем советская затхлая, но все же внешне пристойная повседневность? Неужели свобода неизбежно должна порождать такие патологические маргиналии?

Особое же впечатление на него производит знакомство с одним из «хозяев жизни», случившееся в заведении «Чичиков-клуб». Название, как видим, весьма характерное. Принимая, по-видимому, главного героя за своего – а кого еще можно встретить в подобном торчке? – этот очумевший от возлияний «утюг», между прочим, в поношенном свитере, в стертых джинсах, такой ныне у них, оказывается, писк моды,

почесывая хрящеватое ухо, оттопыривая губу, высказывает-
ся в том духе, что Россию давно пора возрождать монархию
и крепостное право. Смерды, все эти очумелые нищелюбы,
должны знать свое место. Кнут и пряник – вот, что нам тре-
буется. Кнут для тех, кто скалит зубы и щурится, пряник –
тем, кто верно служит и безоговорочно подчиняется. Вот то-
гда и воцарится в этой стране порядок. Вот тогда мы станем
воистину Великой державой. А то, извини, брателло, только
и думаешь, как бы успеть отсюда свалить. Нет уверенности
в завтрашнем дне... – Он сопит, страшно-то подмигивает,
шумно жует, и герой, тоже уже слегка очумевший от выпито-
го, внезапно чувствует, что все это как-то связано между
собой: мрачная тень, проступающая из документов в письме,
шепотки, разговоры, ночная сумасшедшая круговерть, «пу-
зыри жизни», трясущиеся на грани реальности. Есть между
ними какой-то внутренний резонанс. Одно порождает дру-
гое.

И не меньшее впечатление производит на него беседа
с главным редактором, дружеская, откровенная, которому
главный герой романа после долгих сомнений все-таки пере-
дает документы. Во-первых, становится очевидным, что для
того данная информация новостью не является: что-то по-
добное он уже где-то слышал. А во-вторых, чего и следова-
ло ожидать, главред вовсе не жаждет ввязываться в это дело.
Позиция у него ясная и простая. Это, конечно, сенсация, ди-
намит, новый Уотергейт, который скорее всего прогремит на

весь мир, уникальный шанс одним махом вырваться в первый ряд журналистики. Купоны потом можно будет стричь много лет. Однако, если посмотреть здраво: нам это надо? Что мы, сейчас плохо живем? Ты вон, по слухам, машину менять собрался, у меня – ты знаешь – идет загородное строительство. А ну как все это вдруг посыплется?.. Зачем раскачивать лодку, цитируя известное высказывание президента, спрашивает главный редактор. И приводит еще один аргумент, напоминая герою, кто, собственно, финансирует их газету. Олигарх, ближайший друг президента. Мы же его этим подставим, думаешь он обрадуется? Оба через секунду вылетим вверх тормашками. В общем, завершая беседу, говорит главред, подвиги хорошо совершать в двадцать лет, пока еще хватает энтузиазма. Пока в башке – гул, пока терять нечего. Когда тебе сорок – это уже ни к чему. Что-то больше не тянет переворачивать мир. Знаешь, давай как-нибудь обойдемся без славы и подвигов...

Вот такое объяснение у них происходит. И, наверное, в другой ситуации, поостыв, герой без труда принял бы этот жизненный прагматизм. Ведь в действительности он никакой не герой. Он – обыкновенный рядовой человек, его тоже отнюдь не тянет на героические свершения. Он, разумеется, тоже предпочел бы спокойную жизнь. Однако здесь присутствуют обстоятельства, вносящие в повествование неожиданные тона.

Автор очень своевременно вводит в сюжет любовную ли-

нию. Собственно, обнаруживает она себя уже в начале романа. Однако только сейчас, когда главный герой оказывается под прицелом, становится ясным, какое это имеет значение. Приятельница его – тоже из журналистики. Прихоть судьбы: познакомились на одном из презентационных мероприятий. Правда, в отличие от героя, пишущего как бы для всех, специализируется она на глянце, имеющем устойчивую целевую аудиторию. Зарабатывает поэтому почти вдвое больше, чем он. Затрагивает в основном вечную дамскую тему: знаменитые женщины, знаменитые жены, знаменитые подруги, фаворитки, любовницы, пленницы времени, пленницы исторических обстоятельств, вершительницы судеб, законодательницы моды, веяний, настроений. И так далее и тому подобное. Вместе с тем она не чурается и прикладных, чисто домашних мотивов: как устроить, как приготовить, во что одеться, куда пойти, как привлечь, как успокоить, как удержать, если возникает угроза распада. Легкие, необременительные материалы, написанные в разговорной доверительной интонации. Сама она подобным советам, конечно, не следует. Говорит об этом с иронией, но без обычного для журналистов цинизма: если кому-нибудь помогает, ну – ради бога.

Отношения у них столь же зыбкие, как все вокруг. Их знакомство, назовем это так, продолжается уже больше года. Время вроде бы вполне достаточное для того, чтобы определиться. Тем не менее ни тот, ни другой решительного ша-

га не делают. Давит груз прошлого. У него – скоропалительная женитьба, мучительная семья, развалившаяся буквально через несколько месяцев. У нее – такой же краткий период замужества, пертурбации, о которых она предпочитает не вспоминать. Негативный опыт имеется у обоих. Поэтому они не торопятся вновь нырнуть в этот омут. И вместе с тем друг без друга уже не могут.

В книге хорошо передан сопутствующий антураж: громадный город, обращенный не столько к стране, сколько ко всему миру, лавины транспорта, вечные пробки на улицах, кичливые небоскребы, толпы в метро, лихорадочная, ни минуты покоя, обманчивая, изматывающая московская жизнь, гул, кипение, безумствующие огни соблазнов и среди этого – двое людей, которых тянет друг к другу. Для дальнейших событий здесь существенно то, что, наверное, отталкиваясь от предшествующих отношений, эти двое начинают друг друга идеализировать. Ждать несколько большего, чем каждый из них может дать. В обычной жизни это не слишком опасно, хотя тоже, как правило, порождает микроскопические трещинки отношений: трудно смириться с неоправдавшимися надеждами. В той же ситуации, которая складывается в романе, это придает действию решающий сюжетный толчок. Будучи посвященной в суть этой истории, героиня, носящая имя Илона (в действительности – Елена, но для глянца выбрала себе такой псевдоним), реагирует на нее вполне однозначно. Она, конечно, ничего не советует герою повество-

вания, ничего от него не требует, не пытается продвинуть его ни к какому пути, но совершенно ясно, что, преувеличивая его достоинства, ждет от него вполне определенных поступков. Она воспринимает героя в контексте его же статей, критические намеки которых ей как журналисту достаточно очевидны. И чтобы не вызвать разочарования, он вынужден поступать именно так.

Как ни странно, герой и сам к этому склонен. Автор не случайно с такой тщательностью выписывает ночную накипь столицы. Герою и в самом деле отвратительны все эти российские нувориши, вынырнувшие неизвестно откуда, все эти хозяева жизни, одуревшие от власти, вседозволенности и денег, весь этот цирк, паноптикум, бестиарий – жрущий, пьющий, мычащий, совокупляющийся. Все, что образует сейчас тухлое пузырение времени. Он как раз в эти дни читает прессу периода перестройки, и его поражает буря эмоций, захлестывавшая тогда всю страну. Сколько тогда было прекрасных мечтаний! Какой был искренний, неподдельный, исполненный страсти энтузиазм! Какая открытость будущему! Какая эпоха надежд, что Россия, разорвавшая путы СССР, станет наконец современной, свободной, справедливой и счастливой страной. И к чему в итоге это все привело? Ведь возрождается тот же самый Советский Союз, слегка задрапированный одеяниями современности. Тот же, как Брежнев, несменяемый президент, регулярно избираемый якобы волей народа, то же отсутствие оппозиции, которую

жестко и тщательно зачищают, тот же контроль над прессой, та же цензура, разве что в иной упаковке, тот же застой в экономике как следствие социального и политического застоя, тот же сумрачный горизонт, не предвещающий уже никакого светлого будущего, медленное протухание, точнее – гниение, подергивающееся серой плесенью. Разве этого мы хотели тридцать пять лет назад, выходя на митинги и демонстрации? Разве этого желали, голосуя против партийной номенклатуры? Почему все получилось именно так?

Чтение перестроечной прессы, несомненно, воздействует на героя романа. Прошлое не исчезает бесследно, оно звучит – надо лишь прислушаться к гулу, доносящемуся сквозь толщу десятилетий. И романтические стремления тоже не умирают. Герой не то чтобы чувствует свою ответственность за происходящее, но что-то такое подталкивает его изнутри. Какие-то сохранившиеся иллюзии, какое-то эхо, звучащее в душе до сих пор.

Ведь ясно же, что дальше так жить нельзя.

В общем, разбуженный дуновением прошлого, он делает опрометчивый шаг.

В координатах сюжета шаг этот вполне очевиден. Для апелляции к власти или к общественному сознанию герою романа нужны неопровержимые доказательства. Ему требуется ясное документальное подтверждение того факта, что некая сила (организация), что бы она собою ни представляла, пытается изменить политический облик страны, дей-

ствуя при этом незаконными методами. Очевидны и усилия, предпринимаемые героем. Если доказательств не существует, то их надо заполучить. Создать провоцирующую ситуацию. Ему приходит в голову интересный эксперимент. Вместе с главредом газеты, который, после сомнений и колебаний все-таки тоже заражается этой идеей, он изготавливает «информационную куклу»: серию репортажей, представляющую собой компиляцию тех резких материалов, которые уже пробуждали «призраков ночи». Это, разумеется, плагиат. Но не все ли равно. Он не видит другого способа вызвать огонь на себя. А кроме того, соответствующим образом подготавливается сцена будущего спектакля. Герой вовсе не жаждет пройти по данному пути до конца. В его задачу это не входит. Будет достаточно, если «демоны» просто обнаружатся во плоти. И потому устанавливаются скрытые видеокамеры: одна в прихожей, охватывающая прежде всего наружную дверь, другая – на площадке, перед квартирой, нацеленная на лестницу, а третью, это уже для вящей надежности, обязан иметь при себе сотрудник частного сыскного агентства, куда они обратились. Согласно договору, он должен непрерывно дежурить на улице и, зафиксировав как нейтральный свидетель приезд/отъезд «воронка», далее в случае необходимости – следовать за похитителями. Правда, предполагается, что до этого не дойдет: помимо видеокамер устанавливается в квартире тревожная сигнализация, там нужно только кнопку нажать – дежурные из полицейского отделения, располо-

женного неподалеку, соответствующим образом проплаченные, обещают, что группа захвата прибудет на место через четыре минуты. А уж четыре минуты, считает герой романа, он как-нибудь продержаться сумеет.

То есть все предусмотрено.

Никаких сбоев быть не должно.

Возникает атмосфера напряженного ожидания. Еще ничего не случилось, еще не просочилась в реальность жуткая чернота, но какие-то вибрации в воздухе уже ощущаются. Все уже выглядит в каком-то ином, перекошенном ракурсе. И когда вечером, перед публикацией первой статьи, они втроем (Илона как заинтересованное лицо при сем тоже присутствует), прежде чем разойтись, пьют кофе в опустевшей редакции, героя вдруг пронизывает странный озноб. Ему кажется, что это, быть может, и в последний раз. Что-то такое они стронули в тайном механизме существования. Мир куда-то смещается, прежним он уже никогда не будет. И озноб этот еще больше усиливается, когда герой провожает Лару до дома. Живут они друг от друга сравнительно недалеко, и, пока идут от метро до бульвара, мелкими лютиковыми огнями скатывающегося к площади впереди, пока пересекают ее, пока бредут вдоль улочки, развесившей над асфальтом теплый свет фонарей, у героя снова мелькает мысль, что, пожалуй, он напрасно ввязался в эту историю. Ничего хорошего она ему не сулит. Лучше бы все оставить как есть.

Чувство это настолько острое, что он непроизвольно

вздыхает, и Илона (она же Елена) – тоже, видимо, нервничая – стискивает ему пальцы:

- Не переживай... Все будет в порядке...

- Я не переживаю...

- И хорошо. Завтра я тебе позвоню...

На прощание они целуются. А затем Илона выскользывает из его рук и бежит к парадной. Он ждет, что она обернется, но она почему-то не оборачивается. Дверь захлопывается. Доносится гудение лифта.

На четвертом этаже зажигаются ее три окна.

Все в порядке.

Герой некоторое время смотрит на них.

Он еще не знает, что сегодня видел Илону в последний раз...

Все, разумеется, происходит не так, как планировалось. Вопреки всем расчетам, всем ожиданиям, всем предварительным замыслам «демоны» являются за ним уже в эту ночь. Видимо, «кукла», которую они изготовили, здесь ни при чем. Сам его интенсивный поиск по данной теме, беседы с людьми, сбор соответствующей информации задели какие-то струны. Спусковой крючок соскочил. Таинственный механизм пришел в действие. Около трех часов ночи герой, только-только прилегший после работы над следующей ста-

тшей, слышит требовательный стук в дверь, голоса: «Откройте!»... Он подскакивает как ошпаренный, мечется, плохо соображая, стучается об угол стола, – ах, да!.. – давит на кнопку тревожной сигнализации – раз, другой, третий, пальцы у него соскальзывают, дрожат... Обжигающей молнией проносится в голове, что, может быть, лучше не открывать. Может быть – затаиться, прикинуться, что его нет дома. Или даже – дернуть раму окна, высунуться, пренебрегая условностями, воззвать в ночь о помощи. Кричать, кричать и кричать... Однако уже поздно. Рубеж прежней жизни пересечен, жребий брошен, музыка трагической постановки обрушивается на него мощный аккорд. Герой даже не успевает подойти к дверям. Старенький замок, который он уже не раз собирался сменить, не выдерживает и слетает. В квартиру вваливаются трое людей.

- Гражданин такой-то?..

- Да...

- Проедемте с нами!..

У героя дико, будто в припадке, прыгает сердце. В глубине души, в тайниках сознания он все же не верил, что это возможно. Сколько бы разоблачительных документов ему ни прислали, сколько бы показаний, свидетельств ему ни пришлось прочесть. И вот теперь это невозможное начинает овеществляться. Мельком он замечает, что на вошедших действительно – гимнастерки довоенного образца, перетянутые портупьями, какие уже давно вышли из употребления, что

они – в сапогах, отливающих бутылочной чернотой, а вместо погон у них – лычки с непонятными знаками воинского различия.

Впрочем, все это главный герой восстанавливает в памяти позже. А в тот – первый – момент, он, как и большинство людей, пребывавших в подобном положении до него, перестает что-либо соображать, пятится от демонов, вынырнувших из тьмы, лепечет что-то жалкое и беспомощное. Что-то вроде: какое вы имеете право?..

Никто его, конечно, не слушает. Двое вошедших сноровисто заламывают ему руки за спину, протаскивают на площадку, затем по лестнице, вниз, так что ноги у него бегут сами собой. Все это – энергично, не задерживаясь, не останавливаясь. Герой опомниться не успевает, как уже оказывается на улице. Холод ночного воздуха, ругань, толчок в спину – за ним с лязгом, с ужасным скрежетом захлопывается железная дверь. Он лишь краем глаза успевает заметить, что машина, ждущая у парадной, тоже старого образца: тускло-черный фургон, «воронок», какие он видел в кино. Внутри – еле живая лампочка, забранная решеткой, цинк обивки, деревянные скамьи по бортам. Рявкает команда: «Сидеть!»... Напротив него – двое демонов, видимо, рядовых, с бугристыми, как картофель, бурыми каменными физиономиями. «Воронок» тут же трогается. Обещанной помощи почему-то нет. Где полиция? Где сотрудник, крепкий мужик, из частного сыскного агентства?

Герой проваливается в темноту.

Его затягивает в воронку, у которой, как он уже ощущает, нет дна.

Позже, когда это уже не будет иметь значения, выяснится, что сигнализация, поставленная в квартире, в этот момент не сработала: полиция и не думала выезжать, сотрудник частной охраны «воронок» проглядел, во всяком случае клялся, что никакие машины к парадной не подъезжали, а видеокамеры, хоть и были в исправности, но зафиксировали лишь перемещения неясных теней: не разобрать ни лиц, ни фигур. Идентифицировать что-либо по этим записям было нельзя. В общем, герой оказывается в ловушке, которую сам себе и устроил.

Ему это становится окончательно ясно, когда минут через десять «воронок» куда-то сворачивает, тормозит, снова лязгает дверь: «Выходи!..» – и его тем же способом, заломив руки за спину, протаскивают по обшарпанному коридору. Обстановка в кабинете, где он оказывается, говорит сама за себя: наглухо зашторенное окно, стол с чернильным прибором, массивным, видимо, из чугуна, по краям – две лампы, повернутые так чтобы свет от них бил прямо в лицо, на стене, в строгой раме – портрет основателя ВЧК. Все – как изложено в присланных ему документах. Последние сомнения рассеиваются через пару секунд. Старший в группе, звание которого остается загадкой: два прямоугольника на петлицах – это что, сержант, лейтенант? – бросает фуражку (она, мельк-

нув окантовкой, исчезает во тьме) и, не присаживаясь, подавшись вперед через стол, суровым голосом требует, чтобы герой, ничего не утаивая, рассказал о своей антисоветской, террористической деятельности.

- Запираться бессмысленно!.. Нам все известно!.. – Вдруг бухает кулаком по столу, так что обе лампы подсакивают: – Молчишь, сволочь?!

И далее начинаются, быть может, самые тяжелые страницы романа. Если бы герой попал в этот водоворот, скажем, через несколько дней или если бы сейчас у него было хоть десять-двадцать минут, чтобы собраться с силами, отдышаться, внутренне подготовиться к тому, что ему предстоит, он, вероятно, вел бы себя совершенно иначе. Однако нет у него ни дней, ни минут. Так все здесь с точностью преисподней рассчитано, чтобы человек, не успев опомниться, превратился в дряблую слизь. Яростно пылают лампы. Громыкает по кабинету гулкий нечеловеческий голос. Он – вопрошает. Он выдвигает чудовищные обвинения. Но едва герой начинает бормотать в ответ что-то несвязное, как на него сбоку обрушивается беспощадный удар. Бьют кулаком прямо в ухо. А когда героя вроде и не руками, а какими-то жесткими рычагами поднимают с пола и снова водружают на стул, следующий страшный удар обрушивается с другой стороны. Потом – еще и еще... Всякий раз, когда он пытается что-либо объяснить, его бьют то справа, то слева.

Сколько это продолжается, понять невозможно. Герой ро-

мана быстро теряет всякое представление о ходе времени. Он видит только палящий свет, все более нестерпимый, слышит гул, как будто лупят палкой в тупой пустотелый чугунок, чувствует вспыхивающую в голове боль, которая опрокидывает его со стула на пол и острую боль в плече и локтях, которыми, падая, ударяется о бетон. Он уже ничего не соображает. Он уже не осознает – где он и что с ним. Он больше не человек, он – сломленное, полураздавленное существо. Он жаждет лишь одного – чтобы это немедленно прекратилось. Все человеческое в нем безотчетно сминается, и, чтобы вырваться из мучений хоть на немного, хоть на пару минут, он, точно в бреду, начинает называть имена и фамилии. Причем смятение, в котором он пребывает, не оставляет ему шансов придумать что-нибудь более-менее правдоподобное. Он просто не успевает сосредоточиться. И потому – это имена и фамилии реальных людей, тех, с кем он был хоть как-то знаком. Он называет журналистов, с которыми когда-либо имел дело, естественно – главреда газеты, кого же еще, перечисляет всю редколлегию, до последнего человека, выкапывает из взбудораженной памяти каких-то давних своих, полубытых приятелей, пристегивает сюда, кого вообще никогда не видел – слышал что-то о них, но и этого, вероятно, достаточно. Они тянутся нескончаемой вереницей. Одно имя, будто на крючок, цепляет другое. Другое цепляет третье, четвертое, пятое... Он не хочет этого делать. Это происходит произвольно, как будто само собой. Имена высыпа-

ются из него, словно мусор из прорвавшегося мешка. Ему даже не приходится напрягаться, сочиняя подробности. Следовательно, видимо поднаторевший в такого рода делах, сам подсказывает ему необходимые сведения: встречи, где обсуждались действия, имеющие целью подрыв конституционного строя, мнения и высказывания, свидетельствующие о неприятии нынешней власти, явки и обстоятельства, при которых он получал инструкции, деньги от зарубежных спецслужб. Все – очень убедительно, с числами, с конкретными суммами, все – с массой деталей вплоть до погоды, одежды и цвета глаз. Это как бы обретает фактуру реальности. Герою остается лишь лихорадочно подтверждать, что – да, да, да... все было именно так...

Слепят жаркие лампы, стучит клавишами появившаяся неизвестно откуда громоздкая пишущая машинка. Неуклонно, как ужас, просачивающийся из сна, возникают контуры грандиозного заговора против России. Финансируется он, с одной стороны, Европой, злобной и лицемерной, с другой – Соединенными Штатами, хищной либертарианской империей, стремящейся подмять под себя весь мир, и имеет целью территориальное расчленение Российской Федерации, превращение ее в конгломерат слабеньких, враждующих между собой государств. Этакая любопытная метаморфоза, показывающая, по мысли автора, как прошлое смыкается с настоящим.

Нельзя сказать, что герой не пробует разорвать эту душ-

ную паутину. Время от времени он пытается возражать против наиболее одиозных и явно надуманных формулировок: что-то такое мычит, корежится, мелко трясет ладонями. В какой-то момент, собравшись с силами, даже вполне осмысленно заявляет, что это – полная чушь, бред сивого мерина. Ни один здравомыслящий человек в нее не поверит. Заканчивается это каждый раз одинаково. Кто-либо из охранников бьет его кулаком сбоку. Вспыхивают звезды боли, мир опрокидывается. Поднятый с пола герой немедленно подтверждает все, что только что отрицал. Впрочем, он не так уж и протестует. Та же слабость, тот же потный испуг, что смяли его уже в начале допроса, теперь подсказывают спасительное оправдание. Внятный голос шепчет откуда-то из глубины, что пусть кошмар превратился в реальность, но это не навсегда. Ночь когда-нибудь завершится, стрелки часов не останавливаются ни на мгновение, с рассветом, как он помнит из документов, демоны вернутся туда, откуда пришли. В его распоряжении будет практически целый день. Он успеет предостеречь людей, спасти, принять необходимые меры. Единственное, что время в этой тени реальности тянется слишком медленно. Если его сейчас увезут, то – все, обратной дороги не будет. Это он в каком-то наитии понимает. И потому, когда в допросе образуется тревожная пауза, когда следователь, уже, в общем, удовлетворенный, требует назвать еще одно имя, герой, исключительно чтобы выиграть несколько драгоценных минут, упоминает Илону.

Ситуация вновь сходна со знаменитым романом Оруэлла. Там персонаж, попав в застенки Министерства любви, чтобы избежать ужаса, который его ожидает, тоже выдавливая из себя имя любимой девушки. Это – провалы в беспамятство, отчаяние животного, вынужденного, чтобы освободиться от зубьев капкана, отгрызть себе лапу.

Здесь – психологическая кульминация книги. Сразу же после такого признания следователь прерывает допрос, обещая, правда, многозначительным тоном, что они к этой теме еще вернутся. А пока герою предоставляется возможность подумать. Его подхватывают под мышки и грубо, как куль, оттаскивают в соседнюю комнату. Света там, естественно, нет. Низкое окно, как угадывается во тьме, заколочено изнутри обрезками досок. Что-либо разглядеть сквозь них невозможно. Герой устраивается в углу на вспученном, скрипучем паркете. Он весь дрожит, дышит со всхлипами, горло у него стянуто в судорожный комок, и проходит, по-видимому, достаточно много времени, прежде чем он замечает, что дверь в его камеру – кстати, обычная, деревянная, – оказывается, не заперта: между ней и деревянным же косяком различается широкая щель. Чуть ли не на четвереньках он добирается до нее, осторожно толкает, выглядывает, каждую секунду ожидая оклика или удара, видит неподалеку другую дверь, слегка приоткрытую, и полоску мутного синеватого света, пробивающегося из-под обивки. Две секунды, четыре шага по коридору – распахивается перед ним

площадка, заваленная строительным мусором. Ограничивает ее дощатый забор, сколоченный, видимо, наскоро, подпертый толстыми брусьями. Впрочем, тут же, напротив, – разведенные сантиметров на тридцать решетчатые створки ворот. Герой, обдираясь, протискивается сквозь них и с тупым изумлением – ни на что другое он сейчас не способен – обозревает обычную московскую улицу, еще полную дремы: тополя, серые пятиэтажки, потрескавшийся старый асфальт, тусклый аквариум гастронома на другой стороне.

Он неуверенно делает один шаг, другой.

Никто за ним не гонится, не кричит.

Нет сил.

Вокруг – утренняя тишина.

Сворачивает с перекрестка легковая машина, мигает фарами, исторгает раздраженный гудок, поскольку герой, оказывается, застыл прямо на мостовой...

Далее напряженность повествования лишь нарастает. Ситуация по возвращении героя в реальность опять-таки оказывается не такой, которую, успокаивая, предрекал ему внутренний голос. Едва очутившись в своей квартире, еще весь дрожа от пережитого, герой романа поспешно связывается с главным редактором, чтобы подробно обо всем рассказать, и вдруг с изумлением узнает, что тот не желает ни-

чего слышать об этом. Не было у них никакого эксперимента. Не было ни беседы о нем, ни подготовки, ни каких-либо договоренностей. И также не было никаких «эскадронов смерти», никакой «тени», щупальцами вползающей в мир. Все это вздор, горячечные фантазии, сдвиг воспаленного воображения. Более того, редактор категорически требует, чтобы герой в дальнейшем ему ни в коем случае не звонил, не пытался встретиться, не надоедал абсурдными измышлениями. И вообще – вот главный сюрприз! – из газеты он, герой, оказывается, с сегодняшнего числа уволен. На вахту уже отдан приказ: не пропускать его ни под каким видом.

- Как же так! Почему?!. – кричит герой в трубку.

Однако тут их общение прерывается, редактор дает отбой, и на последующие вызовы механический голос отвечает, что абонент заблокирован.

Герой романа в растерянности.

Что случилось?

Он знает, что главный редактор не такой уж непошибаемый ретроград, как это может показаться со стороны, ему тоже не нравится то, что происходит в стране, эта спертая, дурно пахнущая гнетущая атмосфера, когда все задавлено, когда приходится взвешивать и аккуратно драпировать каждое публичное слово. Да, он осторожен, что, в общем, понятно, да, он опасается, что газету могут прикрыть: за прессой неусыпно бдит особая организация – Роснадзор, сколько уже аналогичных изданий прихлопнули. И все-таки, пусть

с купюрами, но он печатает несомненно критические статьи. А когда они обсуждали свой безумный эксперимент – ведь обсуждали, ведь спорили, из памяти этого уже не вычеркнешь! – то вспоминал Эда Марроу, который буквально несколькими передачами свалил «бешеного» Маккарти, а также Вудворда и Бернштейна, которые статьями об Уотергейте вынудили президента Никсона уйти в отставку, – журналистов, изменивших ход американской истории.

Чем его запугали?

Что заставило его вдруг совершить поворот «все кругом!»?

В общем, герой вылавливает редактора в крохотном уютном кафе, где тот имеет обыкновение отдыхать в середине дня с чашкой кофе, и после бурных, но – шепотом, шепотом! – препирательств выясняет, что у данных событий есть некий скрытый подтекст. Оказывается, эксперимент был поставлен с одобрения олигарха, финансирующего их газету, тот загорелся идеей, ему позарез был нужен какой-нибудь такой компромат.

- У них ведь там свои закулисные игры. – чуть шевеля губами, склоняясь к столу, шепчет редактор, – тот против этого, этот против того. Жрут друг друга как пауки... Короче, эксперимент он одобрил. И вот вчера, точнее уже сегодня, вдруг – полный облом. Представляешь, ночью вызвал меня к себе: все прекратить, никому об этом ни слова, бумаги, если таковые имеются, уничтожить, флешки раздавить, винчесте-

ры на компьютерах переформатировать – каждый по десять раз...

Так что, собственно, произошло?

Нервно оглядываясь по сторонам, редактор уже не шепчет, а шелестит тенью голоса, что прямо, разумеется, ничего сказано не было, но по некоторым намекам, которые олигарх обронил, там, у них, решено в ближайшее время нанести военный удар по соседней стране.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.